

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск VII

Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV–XVII вв.

ЧАСТЬ III

Санкт-Петербург
2020

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2020. — Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV-XVII вв. — Ч. III. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_7>

© www.milhist.info

© Селиверстов Д.А.

УДК 94 (47).041

ББК 63.3

Селиверстов Д.А. Коростынская «пляска» и Шелонский «перепляс» 1471 года

События 2-й четверти XV в., когда растущее Московское государство постепенно поглотило Господина Великий Новгород, с давних пор вызывают дискуссии среди историков. Эти дискуссии касаются самых различных аспектов данного процесса, в том числе и отдельных страниц истории противоборства Москвы и Новгорода. Решающую роль сыграла кампания 1471 г. и битва на р. Шелонь, после которой стало очевидной неспособность Новгорода противостоять на поле боя московским полкам, и судьба его как политического субъекта оказалась предрешена. Важность кампании и битвы обусловили и то значительное внимание, которое военные историки уделяют этим событиям. В данной статье предпринята новая попытка взглянуть на Шелонскую кампанию лета 1471 г. под новым ракурсом, с учетом последних наработок отечественной военно-исторической науки, и предложить ее авторскую реконструкцию. Подводя итог, автор высказывает мнение, что Шелонская кампания, показав сильные и слабые стороны московского войска, предопределила дальнейший ход военных реформ великого князя Ивана III.

Ключевые слова: XV век, Великое Княжество Московское, Господин Великий Новгород, загонная рать, судовая рать, двор, дети боярские двора великого князя, городовые дети боярские, владычен стяг, Коростынь, Шелонь.

Автор: Селиверстов Дмитрий Анатольевич. В 1987 г. окончил Московский Всесоюзный Технологический Университет имени Баумана. С 2008 г. - активный член Проблемного совета Государственного Исторического музея. Область научных интересов: военное дело Московской Руси XV — начала XVII в. antov-d@yandex.ru.

Литература, использованная в статье:

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. — М., 1988.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969.

Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011

Пенской В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 85-106. <http://www.milhist.info/2016/03/31/penskoy_8> (31.03.2016).

Буганов В.И., Рогожин Н.М. Краткий Московский летописец // Архив Русской Истории. — М., 2007. — Вып. 8.

Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

Беляков А.В. Чингизиды в России XV-XVII веков. — Рязань, 2011.

Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг. — М., 1912. — Т. I. Списки селений.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков. — М.;Л., 1950. — № 13.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. — М., 1952. — Т. I. — № 231.

Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 2003.

Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. — М., 1989.

Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 2003.

Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 46-68. <http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2> (12.12.2014).

Курбский А. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2001. — Т. 11.

Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I.

Селиверстов Д.А. Битва под Русой 3 февраля 1456 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV-XVII вв. — Ч. II. — С. 18-57 <http://www.milhist.info/2019/08/25/seliverstov_3> (25.08.2019).

Черкасов Д.Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades». Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 8. — Минск, 2015.

Кирпичников А.Н. Ледовое побоище. Тактические особенности, построение и численность войск. Новые изыскания // «Цейхгауз». — 1997. — № 6.

Ганс Дельбрюк. История военного искусства. — СПб., 1996. — Т. III.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2020/08/27/seliverstov_4

Ссылка для печатных изданий:

Селиверстов Д.А. Коростынская «пляска» и Шелонский «перепляс» 1471 года [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2020. — Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV-XVII вв. — Ч. III. — С. 146-195 <http://www.milhist.info/2020/08/27/seliverstov_4> (27.08.2020).

Seliverstov D.A. The dance of Korostyn and the «spin» on Shelon in 1471

The events of the second quarter of the 15th century, when the growing Moscow state gradually swallowed up the Novgorod Republic, have long caused debate among historians. These discussions concern the most diverse aspects of this process, including the cases of the military confrontation between Moscow and Novgorod. The decisive role in it was played by the campaign of 1471 and the battle on the river Shelon, after which it became obvious that Novgorod was unable to resist the Moscow regiments on the battlefield, and its fate as a political subject was sealed. The importance of this campaign and this battle also led to the significant attention paid by military historians to these events. In this article, a new attempt is made to look at the Shelon campaign of the summer of 1471 from a new perspective, taking into account the latest developments in Russian military-historical scholarship, and to propose the author's reconstruction. Summing up, the author expresses the opinion that the Shelon campaign, showing the strengths and weaknesses of the Moscow army, predetermined the further course of the military reforms of the Grand Prince Ivan III.

Key words: fifteenth century, the Grand Principality of Moscow, Novgorod Republic, corral army, boat army, royal court, Boyar scions of the Grand Prince, Boyar scions of cities, Prince's banner, Korostyn, Shelon.

About the authors: Seliverstov Dmitry Anatolyevich. In 1987 he graduated from the Bauman Moscow State Technical University. Since 2008 he has been an active member of the Problem Council of the State Historical Museum. His research interests include military affairs of Muscovite Russia of the fifteenth - beginning of the seventeenth centuries. antov-d@yandex.ru

References:

Alekseev Ju.G. Pohody russkih vojsk pri Ivane III [The Campaigns of the Russian army under Ivan III]. — SPb., 2007.

Zimin A.A. Formirovanie bojarskoj aristokratii v Rossii [Formation of the boyar aristocracy in Russia]. — M., 1988.

Veselovskij S.B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev [Research on the history of the class of serving landowners]. — M., 1969.

Pamjatniki istorii russkogo sluzhilogo soslovija [Monuments of the history of the Russian service class]. — M., 2011

Penskoy V. —... They have made provisions for the entire winter, till the spring has come! logistics of the Russian state from the late medieval toward early modern times [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 85-106. <http://www.milhist.info/2016/03/31/penskoy_8> (31.03.2016).

Buganov V.I., Rogozhin N.M. Kratkij Moskovskij letopisec [Brief Moscow chronicler] // Arhiv Russkoj Istorii. — M., 2007. — Vyp. 8.

Nesin M.A. Shelon battle 14 July 1471 [Электронный ресурс] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. IV. — P. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

Beljakov A.V. Chingizidy v Rossii XV-XVII vekov [Chingizids in Russia of the XV-XVII centuries]. — Rjazan', 2011.

Andrijashev A.M. Materialy po istoricheskoy geografii Novgorodskoj zemli. Shelonskaja pjatina po piscovym knigam 1498-1576 gg. [Materials for historical geography of Novgorod land. Shelonskaya Pyatina according to the scribal books of 1498-1576] — M., 1912. — T. I. Spiski

selenij.

Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazej XIV-XVI vekov [Spiritual and contractual charters of the great and appanage princes of the XIV-XVI centuries]. — M.; L., 1950. — № 13.

Akty social'no-jekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV – nachala XVI v. [Acts of socio-economic history of North-Eastern Russia of the end of the XIV – beginning of the XVI century] — M., 1952. — T. I. — № 231.

Janin V.L. Novgorodskie posadniki [The Novgorod posadniks]. — M., 2003.

Pushkareva N.L. Zhenshhiny Drevnej Rusi [Women Of Ancient Russia]. — M., 1989.

Janin V.L. Novgorodskie posadniki [The Novgorod posadniks]. — M., 2003.

Nesin M.A. To the history of the battle of Novgorod with Muscovites on the Shelenga river July 27, 1471 [Электронный ресурс] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. VI. — P. 46-68. <http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2> (12.12.2014).

Kurbskij A. Istorija o velikom knjaze Moskovskom [History of the great Prince of Moscow] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. — SPb., 2001. — T. 11.

Sigizmund Gerbershtejn. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. — M., 2008. — T. I.

Seliverstov D.A. The Battle of Rusa on February 3, 1456 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2019. — Special edition VII. Military history of Novgorod and Novgorod land in XIV-XVII. — Vol. II. — P. 18-57 <http://www.milhist.info/2019/08/25/seliverstov_3> (25.08.2019).

Cherkasov D.N. Zhil'ber de Lannua i ego «Voyages et ambassades» [Gilbert de lannois and his "Voyages et ambassadors". StudiaHistoricaEuropaeOrientalis]. StudiaHistoricaEuropaeOrientalis. Issledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy: nauch. sb. Vyp. 8. — Minsk, 2015.

Kirpichnikov A.N. Ledovoe poboishhe. Takticheskie osobennosti, postroenie i chislennost' vojsk. Novye izyskanija [The battle of the ice. Tactical features, the construction and the number of troops. New research] // «Cejhgauz». — 1997. — № 6.

Gans Del'brjuk. Istorija voennogo iskusstva [History of military art]. — SPb., 1996. — T. III.

Internet link:

http://www.milhist.info/2020/08/27/seliverstov_4

Reference:

Seliverstov D.A. The dance of Korostyn and the «spin» on Shelon in 1471 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2020. — Special edition VII. Military history of Novgorod and Novgorod land in XIV-XVII. — Vol. III. — P. 146-195 <http://www.milhist.info/2020/08/27/seliverstov_4> (27.08.2020).

Д.А. Селиверстов

КОРОСТЫНСКАЯ
«ПЛЯСКА»

И

ШЕЛОНСКИЙ
«ПЕРЕПЛЯС»

1471 ГОДА

О присоединении Новгорода к «Русскому централизованному государству» сказано много. Об этом все знают, даже ученики 7 класса любой приличной гимназии, не говоря уже о колледжах, как их сегодня называют. А писать о походах русских войск при Иване III после капитального труда Ю.Г. Алексеева¹ — дело неблагодарное. Однако тут закралось несколько неточностей. Кроме того, оживленная в последнее время тема «ориентализации» московского воинства не может обойтись без разбора этой кампании.

Предысторию и развитие конфликта между Москвой и Новгородом в 1471 году повторять не стоит, она общеизвестна и прекрасно описана хотя бы все в том же упомянутом исследовании Ю.Г. Алексеева. Там же указаны и основные источники, из которых мы знаем о событии², что избавляет нас от необходимости подробно рассматривать этот вопрос.

Москва

Решение о походе на Новгород было принято Иваном III и Боярской думой весной 1471 г. А в начале лета — в четверг, 6 июня 1471 года из Москвы на северо-запад выступил передовой полк — *«загонная рать»*: *«Месяца иуны 6 в четверток на троицкои неделе отпустилъ князь великийи воевод своих с Москвы, князя Данила Дмитриевича Холмъского да Федора Давыдовича съ многим воиньством, с ними же и князя Юрья Васильевича и князя Бориса Васильевича дети боарьские многы. А велел тем князь великий ити к Русе»*³.

В передовую рать вошли лучшие воины двора великого князя, способные выступить в поход *«конно, людно и оружно»*. Кроме того, они должны были проживать в близлежащих к Москве уездах. Такие же требования предъявлялись и к удельным детям боярским, служившим братьям великого князя. Князь Юрий Васильевич — второй на тот момент по старшинству сын князя Василия Темного, княжил в Дмитрове, ему принадлежали Можайск, Медынь, Серпухов, Хотунь и несколько московских сел. Кроме того, ему как любимому внуку довольно много отписала бабушка Софья Витовна. В состав рати, скорее всего, вошли дети боярские, жившие вблизи Москвы. Князь Борис Васильевич владел Волоколамском, Ржевой и Рузой, все эти города находились поблизости от столицы или по пути от нее к Новгороду. Из более ранних примеров известно, что во время *«первой литовщины»* осенью 1368 года быстро смогли собраться рати *«Московьскаа, Коломеньскаа, Дмитровьскаа»*⁴, из них создали «передовой полк», который и двинули против Ольгерда. Примерно в таких границах можно было провести срочную мобилизацию и весной 1471 г.

По сообщению Софийской II летописи, войско насчитывало *«10 тысящъ»* (цифра явно преувеличенная, но об этом чуть ниже)⁵. Во главе стояли два воеводы великокняжеского двора: князь Данила Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович Хромой. Ю.Г. Алексеев писал, что удельные дети боярские шли в тот *«поход с воеводами великого князя, а не своих удельных князей, как предусматривалось старыми межкняжескими dokonчаниями»*⁶. Но это не так. В Ермолинской летописи, не являющейся *«великокняжеской»*, указан дмитровский воевода князя Юрия Васильевича — Василий Федорович Вельяминов⁷.

Принцип «личной службы», взявший верх во время гражданской войны, продолжал существовать в начале правления Ивана III. Об этом говорят строки договоров, заключенных великим князем с братией в период с 1464 по 1472 годы: «А хто имет жыти твоих бояръ, и детей боярьских, и слуг в моей отчине, въ великом кн(я)ж(е) н(ь)е, и мне их блюсти, как и своих. А хто имет жыти моих бояръ, и детей боярьских, и слуг въ твоеи отчине, и тебе их блюсти, как и своих. А **хто которому кн(я)зю служит, где бы ни жил, тому с тем и ехати, которому служат**»⁸.

Следует сказать несколько слов о воеводах, потому что именно по ним соседи Московского государства старались определять численность и значимость московской рати. Князь Даниил Холмский происходил из тверской ветви Рюриковичей⁹. Холмские князья пошли от второго сына убитого в Орде тверского князя Александра Михайловича — Всеволода (ок. 1328–1364). Потеряв в междоусобной борьбе великий стол Твери, холмские князья продолжали его оспаривать, опираясь на помощь Москвы. Особенно отличился князь Юрий Всеволодович. Он вступил во владение холмским уделом в 1364 году совместно с братом Иваном. В 1402 князь Иван скончался. Будучи бездетным, он оставил свою часть удела тверскому княжичу Александру Ивановичу. Князь Юрий, недовольный таким решением, бежал на Москву в 1403 г., после чего оспаривал холмский, а заодно и тверской стол в Орде в 1407, но ничего не добился и умер в 1408 году. Его сын Дмитрий вел себя тихо, за что получил обратно холмский удел. Умер, скорее всего, в преклонном возрасте после 1456 года, завещав свой удел старшему сыну Михаилу. Второй сын — Данила, как и два других — Василий и Иван, остались «не у дел». Князь Данила пошел по стопам деда и уехал в Москву. Когда точно — неизвестно, но 14 сентября 1467 года он выступает в поход на Казань с Царевичем Касимом. «Князь великий Иван Васильевич посылал под Казань царевича Каясыма, да с ним послал воевод своих князя Данила Дмитриевича да князя Ивана Васильевича Стригоу и двор князя великого»¹⁰.

Князь Данила Дмитриевич тогда был достаточно молод, последнее упоминание о нем — в 1493. Чем вызвана честь написания его имени перед именем заслуженного воеводы князя Ивана Стриги Оболенского? Только знатностью рода и честью, которую ему оказал Великий

Князь Московский. А честь надо было оправдывать. Осенний поход окончился конфузом. После отступления воинства великий князь Иван Васильевич *«розслалъ по городомъ заставы»*, то есть оставил усиленные гарнизоны в пограничных городах — Муроме, Нижнем Новгороде, Костроме, Галиче, дабы *«сидети в осаде, стиречися от Казани»*¹¹. Князь Даниил Холмский *«сидел»* в Муроме, князь Иван Стрига — в Костроме. В начале апреля 1468 года казанцы напали на костромские волости *«и множество полону взяша»*, князь Иван *«ходи за ними и до Оунжи с Костромы и не достиже ихъ»*. Окрыленные безнаказанностью татары в начале мая совершили набег на Муром: *«...имаша около Моурома и много полону взяша»*. Однако им не повезло: *«Князь же Данило Дмитриевич Холмский идее за ними из Моурома и пострежи ихъ и бивъ ихъ полонъ весь отъима, а ини, с коней сметався оудиоша на лесъ»*¹².

Это была победа, и в следующем году он был поставлен во главе передового полка войска, поставившего точку в «Первой Казани». Летом 1469 года великий князь Иван Васильевич *«послал братью свою князя Георгия и князя Андрея Большаго, и князя Василия княж Михаила сына Андреевича и иных своих воевод с многими людьми на конех ратей к Казани»*¹³. Необходимость посылки *«конной рати»* объяснялась тем, что *«судовые рати»* уже второй год безрезультатно старались взять Казань, совершая походы по Волге и Каме и всякий раз возвращаясь назад ни с чем. Среди *«иных воевод»* конной рати мы видим и нашего героя: *«...да с ними воеводы великого князя князь Иванъ Юрьевичъ, и все князи слоужылые, и дворъ князя великого. А в передовом плъку был князь Данило Дмитриевич Холмской да Федор Давыдович»*¹⁴. Самого великого князя в походе представлял *«наипервейший»* боярин и воевода князь Юрий Иванович Патрикеев, под его рукой были и *«служилые князья»*, и *«не титульные»* бояре, и дети боярские, и обычные *«слуги»* великого князя. Сосредоточение всех сил дало результат: *«Сентября 1 князь Юрьи Васильевичъ, со всею силою московскою приде под Казань, и соудовые рати поидоша пеши к граду»*¹⁵. После недельной осады хан Ибрагим сын Махмуда капитулировал и признал власть великого князя Московского.

В походе на Новгород в 1471 году *«товарищем»* князя Данилы, как и в казанском походе, выступает Федор Давыдович Хромой. Тогда он ещё не был боярином, не был он и хромым, прозвище это стало

наследственным, досталось ему от деда Ивана Андреевича Хромого, правнука Акинфа Гавриловича Великого¹⁶. Иван Андреевич Хромой был боярином при князе Дмитрие Донском, возможно, являлся *«послухом»*, заверявшим его завещание — *«духовную»*. Женой его была дочь воеводы Дмитрия Монастырева. Их старший сын Давыд стал боярином при князе Василии Васильевиче Темном¹⁷. Младший брат Давыда, Роман, был воеводой, известен тем, что на Страстной Неделе 1434 года сдал Москву сопернику князя Василия князю Юрию Дмитриевичу¹⁸. Возможно, поступок дяди повлиял на карьерный рост Федора Давыдовича. Этим может объясняться отсутствие упоминаний о нем в летописях и документах до 1469 г., а вовсе не его «сравнительная молодость», как считал Ю. Г. Алексеев¹⁹. О возрасте Федора Хромого можно только гадать, опираясь на упоминание о его сыновьях. Старший сын Григорий уже осенью 1475 года упомянут в свите князя Ивана Васильевича: *«Да с великим князем дети боярские князь Михайло Колышка князь Иванов сын Юрьевича Патрекеева, Григорей Малой Федоров сын Давыдовича Хромова, князь Иван Звенец, Иван Молодой Товарков, князь Петр Васильевич Нагой Оболенской, Юрьи Шестак»*²⁰. Причем прозвище «малой» намекает, что был ещё и «старой».

Воевода двора удельного князя Юрия — Василий Федорович Вельяминов, по знатности и *«честности»* не уступал Федору Давыдовичу Хромому. Свой род они возводили к боярину князя Ивана Калиты Протасию²¹, хотя и из самой младшей ветви²². Годом позже Василий Федорович был послухом у завещания князя Юрия Васильевича, что говорит о его близости к рано умершему князю²³.

Кто вел в поход выборных от двора князя Бориса Васильевича, неизвестно. Летописи о нем молчат. Этому может быть две причины. Первая — московским официальным летописцам было мало дела до удельных княжеств, люди, служившие в них, не попадали под «московский счет». Вторая — этот человек сильно насолил великому князю Ивану Васильевичу и был официально забыт, как потомство последнего московского тысячника Василия Вельяминова. Сие весьма вероятно, так как князь Борис минимум два раза вступал в конфронтацию со старшим братом. При этом его двор и воеводы всегда поддерживали своего князя. Известно, что воеводами у князя Бориса и его сыновей были князья Хованские — Иван и Федор Васильевичи, а также их сыновья²⁴.

Как уже отмечалось выше, «загонной рати» предписывалось захватить второй по значимости город новгородской земли — Русу, разорить южное Приильменье и соединиться с псковским войском для дальнейшего наступления на Новгород с юго-западного направления. Наступление должно было проходить стремительно. В связи с этим численность войска в 10000 всадников, указанная в Софийской летописи, вызывает сомнение. В конной рати, где каждый всадник имел несколько коней и присутствовал минимальный обоз, у татар, к примеру, предписывалось *«а по три кони у человека, а у пяти бы человек телега»*²⁵, следовательно, должно было быть 30 тысяч лошадей и 2000 телег. Конечно, можно предположить, что телег не было вовсе, но в таком случае должно было быть увеличено количество вьючных лошадей. Кроме того, наличие возов позволяло создать укрепленный лагерь для ночевки. Такие лагеря использовали ещё со времен печенегов.

При состоянии дорог, существовавших в то время, колонна войск с заводными конями должна была растянуться на 30–40 км, а это больше дневного перехода. Двигаться «развернутым строем» в лесисто-болотистой местности невозможно. Кроме того, лошадей надо кормить и поить. В истории известен случай, когда войско великого князя Михаила Ярославича Тверского просто-напросто погибло в новгородских лесах, *«заблуди в озерах и болотех»*²⁶.

Военная логистика не пользуется любовью у историков, описывающих Древний мир, Средневековье и начало Нового времени. Они в основном верят всему, что сказано в хрониках и не задумываются о реальности известия. В последнее время положение меняется, появляются интересные работы по теме. Особо следует отметить В. В. Пенского и его статью *«...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени»*²⁷. Для нас интересны два момента, отмеченные в этой статье: один из них близок по времени к описываемым событиям. Это наказ от октября 1502 года о пищевых припасах — *«корме»*, которым пристав Федор Васильев сын Долматов, должен был обеспечить ежедневно посольство крымского хана: *«А кормъ Феодору давати татаромъ царевымъ Менли-Гиреевымъ людемъ, девяти человекомъ: тушу баранью, да полгрнвенки соли, да ставецъ заспы. А на кони на ихъ на двадцатеро лошадей и на две дошади, давати*

ему кормъ две четверти овса съ полуосминою, да два острамка сена». А также московских служилых, сопровождавших посольство: «...великого князя татаромъ давати кормъ, на одинацать человекъ, тушу жъ боранью, да полгривенки соли, да ставецъ заспы; а на кони на ихъ, на тритцать и на шестеро лошадей, полчетверты четверти овса, да полчетверта острамка сена». Разницы между «пайком» крымских и московских татар практически нет. В наказе отмечено, как и где надлежит брать эти запасы: «А имати тотъ кормъ Феодору на станехъ во чиихъ селехъ ни буди»²⁸.

Второй наказ отстает от первого на полвека и относится к 1555 году. В нем новгородским дьякам предписано «готовити кормы людские и конские, и яловицы и бораны и куры, и крупы овсяные, и солому и сено и овес, царевичу Кайбуле Ахкубековичю, и улану, и мурзам, и их казаком, и царевичевским казаком, и служилым Татаром поместным и безпоместным, и новокрещеном, и стрелцом и казаком, по ямом и по станом». Норма практически не отличалась от той, что была раньше: «Велели бы есте готовити, на всяком яму, на восемьдесят человек яловица, по полосмин круп, по полубезмена соли, или на десять человек по борану, круп и соли на денгу, а яловиц кожи и с боранов овчины отдавати назад тем же людем, у кого что возмут; а конского корму приготовить на десять лошадей по четверки овса да по острамку сена, на день, на всякой ям»²⁹.

Как видно, дневной рацион воина в походе за протекшие полвека изменился мало. Резонно предположить, что и ранее ратники и их лошади потребляли фураж и провиант примерно так же. По подсчетам В. В. Пенского, один человек получал ежедневно порядка 400 г мяса, 100 г крупы и 20 г соли, лошадь — 8 кг сена и 5 кг овса³⁰. Не углубляясь в переводы старинных мер веса в современные, остановимся на поголовье скота. На 10 человек полагался один баран в день. На 1000 — 100 баранов, на 10 000 — 1000. При переводе мясного пайка на коров («на восемьдесят человек яловица») получим, что 1000 человек съедало в день 12–13 буренок, 10 000 — 125. При продолжительности похода в месяц для прокорма 10 000 человек нужно 30 000 баранов или 3750 коров. Их надо либо гнать с собой, либо доставлять на место очередных стоянок специально назначенным людям. В противном случае ратники «брали корм сами», и проход «своего» войска не отличался

от вражеского нашествия. В летописях есть подобные примеры: осенний поход на Белев в 1437 г. и январский 1558 г. в Ливонию. Впрочем, выделение именно этих походов может быть обусловлено личностями главных воевод их возглавлявших.

В договорах между князьями вопрос «корма» оговаривался особо: «А кормъ взяти, а не користоватис(я) ничем»³¹. То есть содержание «союзного» войска возлагалось на «принимающую» сторону.

Учитывая вышеизложенное, к числу 10 000 следует относиться осторожно. В более позднем источнике, Кратком Московском Летописце начала XVII века, названа другая цифра. Там сказано, что великий князь «отпусти на перед себя воевод своих князя Данила Дмитриевича Холмского да Феодора Даниловича, а с ними 1000-у вой»³². Критику источника дал М. А. Несин в своей статье, посвященной Шелонской битве³³. Конечно, этот источник поздний, однако построение фразы говорит о ее архаичности. В XVI веке слово «вои» уже выходит из употребления, вместо них используют слова «люди», «дети боярские» и другие, в XVII и подавно. Значит, фраза списана с какого-то старого списка, не дошедшего до наших дней, возможно, из разрядной записи. Действительно, имя второго воеводы, как мы считаем, во фразе искажено. Но подобные искажения, как будет видно несколькими строками ниже, отнюдь не редкость и в близких по времени написания источниках, таких как Московский летописный свод. Кроме того, возможно, мы имеем оригинальный текст, где указан, тот самый воевода князя Бориса Васильевича. «Краткие своды» потому и краткие, что в них кратко излагали пространные сведения. Вместо перечня воевод могли оставить одного — главного, что стоял впереди списка. Так обычно и делали. А могли написать первого и последнего, или того, кого сводчик знал. Это, конечно, не более чем «смелое предположение», но и подходящий кандидат имеется — Федор Данилович Сильный Плещеев.

Для определения численности рати князя Данила Холмского можно привлечь и сообщение о втором эшелоне московских войск, отправленных спустя неделю: «А в 13 того же месяца в четверток отпустил князь велики князя Василья Ивановича Оболенского Стригу съ многими вои, да с ним князеи царевичевых Даньяровых съ многими Татары, а велел тем ити на Волочек да по Мъсте»³⁴. Ю. Г. Алексеев отмечает: «В существующем списке ВКЛ — явная ошибка. Князь Оболенский

Стрига — не „Василий Иванович“, а Иван Васильевич»³⁵. Скорее всего, он прав, тем более что в Софийской летописи полковой воевода назван «Иваном Стригой»³⁶. В таком случае не доверять краткому московскому летописцу на основании искажения отчества одного из воевод — несерьезно. Раз уж официальный московский свод попутал известнейшего воеводу с его отцом, то почему не мог ошибиться сводчик краткого летописца? Московскому летописному своду мы же верим, несмотря на описки?

Но есть и другой вариант. Возможно, в 1471 году полком действительно руководил старший сын князя Ивана Стриги. Его звали Василий, в историю он вошел как Вассиан, епископ тверской. Епископом князь Василий Иванович стал 6 декабря 1477 года³⁷. До того, как стать епископом, Вассиан служил архимандритом Тверского Отроча монастыря, но обстоятельства, причины и время пострижения неизвестны. Можно построить романтическую версию для постановщиков «исторических сериалов» о том, как юный князь, отправившись в военный поход и насмотревшись «бедствий войны», бросил все и ушел в монастырь замаливать грехи. Грехи свои, а возможно, и отца, и всего рода. Однако нас интересует не то, кто командовал второй загонной ратью, а ее состав. Несомненно, туда вошел служилый двор князей Оболенских, отлично зарекомендовавший себя в «Войне за Золотой Пояс». Возможно, дети боярские двора великого князя из южных и восточных уездов. И, как особо отметил летописец, татары царевича Данияра, сына царевича Касима и, соответственно, внука хана Улу-Мухаммеда.

Этот воинский контингент появился в Московском великом княжестве после битвы под Суздалем в июле 1445 г. Тогда московское войско потерпело поражение, и сам великий князь Василий Васильевич попал в плен. По самым скромным и, скорее всего, достоверным данным, «царь Махметъ» отпустил знатного пленника, «взя окупа на великомъ князе 2000 рублевъ»³⁸. Однако «братия» князя Василия Васильевича платить не собиралась, а хотела провозгласить великим князем Дмитрия Юрьевича Шемяку. Хан Улу-Мухаммед князя Дмитрия Шемяку не любил, а вот князя Василия с детства считал «сыном названным»³⁹, потому и согласился, «что дати ему с себя окупъ, сколько может»⁴⁰. Дабы смогли собрать хоть что-то, с освобожденным пленником «приидоша пять сотъ Тотарь»⁴¹. Пришли и, как считает большинство исследователей, остались⁴².

Во главе контингента стоял царевич Касим, сын Улу-Мухаммеда. Этот отряд татар внес огромный вклад в победу князя Василия Темного в гражданской войне. Сначала князь Василий разместил их в Звенигороде, потом, в период между 1449–1456 годами пожаловал царевичу Касиму Городец Мещерский. Зимой 1476–1477 годов венецианец Амброджо Контарини посетил Москву, обедал с великим князем Иваном Васильевичем и оставил любопытную запись: «У него (великого князя. — Д.С.) был обычай ежегодно посещать некоторые местности своей страны, особенно же одного татарина, который на княжеское жалованье держал пятьсот всадников. Говорили, что они стоят на границах с владениями татар для охраны, дабы те не причиняли вреда стране. (Et con questo mi licentio sua signoria, la quale era per cavalcare, perche havea per costume ogni anno andar a visitar luoghi del suo paese et massime uno Tartaro, che tiene al suo soldo con cavalli cinquecento, per quanto dicevano, alii confini de Tartari per guardia, et che non fusse per essi dannizzato il suo paese)»⁴³.

Любопытно, что за 30 лет численность татарского отряда не изменилась. По-видимому, по условиям договора царевич Касим, а затем его сын Даниар, должны были выставлять на службу именно 500 всадников. О самом договоре мы знаем только, что он был: «...кончал со царевичевым и с Касымовыми князми, с Кобяком са Аидаровымс(ы) ном да с-Исаком с Ахматовым с(ы)н(о)мъ»⁴⁴. Конечно, люди гибли, умирали, на их место набирали новых, но именно на 500 человек великий князь выплачивал содержание. Соответственно, и в полку князя Оболенского их не могло быть более 500. Татары составляли значительную, если не большую часть полка, значит, и общая численность не превышала 1000 всадников (опричь кошевых). В поход татары шли со своими «князьями», то есть воеводами.

Задача перед войском князя Оболенского стояла, как и для войска князя Холмского — внести сумятицу и разорять новгородские земли. Но если первая загонная рать должна была действовать к югу от озера Ильмень, то вторая — к востоку, в бассейне реки Мста. Логично, что и численность их при одинаковых задачах мало отличалась.

Сам великий князь, «а с нимъ царевичъ Даниярьъ и прочии вои великого князя, князи его мнози и воеводы» вышли «того же месяца, июля (на самом деле июня. — Д.С.) 20, в четверток, на память святого Мефодия»⁴⁵. Ровно через неделю после князя Оболенского.

В Москве остался наследник — князь Иван Иванович Молодой. А в помощь ему — младший брат великого князя Андрей Васильевич и царевич Муртаза Мустафин сын. С царевичем *«его князьми, и с казаки, на что где ся пригодити ему на какого дело»*⁴⁶. Царевич Муртаза был сыном царевича Мустафы сына Улу-Мухаммеда убитого под Рязанью в 1444 году. Царевичу Данияру приходился двоюродным братом. Служить в Москву пришел незадолго до похода, перед этим *«казаковал»* (разбойничал) в Диком Поле.

На Рождество Иоанна Предтечи (24 июня) воинство великого князя пришло *«на Волок»*, то есть в Волоколамск. За пять дней ратники преодолели чуть больше 100 км. В Волоколамск пришли и братья великого князя: *«Такъ же и братия великого князя поидоша кииждо их от себе. Князь Юрии Васильевич из своя отчины. А князь Андреи Васильевич из своя отчины. А князь Борис Васильевич, из своя отчины. А князь Михаило Андреевич с сыном Васильем из своя отчины»*⁴⁷. Войско значительно усилилось, но темп марша не упал. Расстояние до Торжка, 125 км по прямой, тоже преодолели за 5 переходов. Туда прибыли на Петров день (29 июня). В Торжке к воинству присоединились *«воеводы великого князя Тферьского, князь Юрий Андреевич Дорогобужскы да Иван Микитич Жито со многими людъми»*⁴⁸.

Тем временем загонная рать князя Даниила Холмского уже вела боевые действия. Маршрут их движения неизвестен, но, скорее всего, он пролегал от Москвы через Звенигород, Волоколамск на Холм (Тверской) и Зубцов. Князь Даниил мог встретиться с братом и навестить родные места далее по Волге через Ржев к озеру Селигер. Там уже начинались владения Господина Великого Новгорода. Для ратников началась потеха: *«Князь Данило Дмитриевич и Федоръ Давыдовичъ идуще по Новгородцким местомъ. Идее же повелено им бяше, и распустиши воа своя на многие места жеци и пленити и в полон вести, и казнити без милости»*⁴⁹. Через Стерж, Молвятицы, либо через Полоново и Демянск, и далее по реке Поле они вышли к Русе, которую захватили и сожгли. Город Руса состоял из собственно *«города»*, в котором находился двор наместника и посада из четырех концов: Рогова, Середки, Песьего и Минина, на другом берегу реки Порусьи. На конец века осталось описание 3-х концов, в которых было 739 тяглых дворов, надо думать, всего дворов было с тысячу⁵⁰ или чуть больше, а населения тысяч шесть любого пола и возраста.

Произошло это на Иванов день — 24 июня, когда великий князь пришел только в Волоколамск. Итого поход занял 18 дней, если считать день отбытия из Москвы и день взятия Русы за один. Преодолено было за это время 500 или чуть более километров. В день, получается, войско преодолевало в среднем по 28 км. Но следует учитывать, что во время долгого марша необходимы «дневки» — дневные остановки для отдыха. Иначе не выдержат ни люди, ни кони. В «Новое время» их назначали через 2–3 дня марша. Кроме того, после вступления на новгородские земли, начались «облавы», которые тоже снизили темп похода.

Псков

О дне взятия Русы известно из псковских летописей, во Псков эту новость принес 29 июня («в Петров день») *«князя великого бояринъ на имя Василии Зиновьев»*. Василий Зиновьев по прозвищу Дятел не был боярином великого князя, в лучшем случае он мог быть боярином удельного князя Юрия Васильевича Дмитровского. Дед Василия — Алексей Григорьевич Станищев, в 1410 году был послухом у духовной князя Владимира Андреевича Серпуховского⁵². Отец — Зиновий Алексеевич в 1440–50-х годах свидетельствовал данную грамоту инокини Марии *«по души своего деверя князя Андрея Володимирович в Берендееве пустошь Лыцово, что ему отец дал князь Володимер Андреевичъ»*⁵³. Будучи в боярстве у боровско-серпуховских князей, Станищевы могли поступить на службу к сменившему их князю Юрию Васильевичу. Так или иначе, но в Государев родословец род вошел благодаря младшему брату Василия — Скурату Зиновьеву⁵⁴. Их старший брат Ромодан (Елизар), по-видимому, погиб в 1450 году в бою с татарами на реке Битюг в составе коломенской рати Константина Александровича Беззубцева⁵⁵, за что и был занесен в синодик Успенского Кремлевского Собора⁵⁶.

Василий Зиновьев прибыл в Псков в сопровождении ста всадников. Он сообщил, что является представителем рати Даниила Холмского: *«...приехав, сказывается, от великого князя силы»*. Василий рассказал о взятии Русы, и в качестве доказательства представил *«ишкабатовъ клячь новгородскихъ съ 300 полону»*. По-видимому, именно эти «клячи» позволили сотне Василия Зиновьева преодолеть 200 км по вражеской территории в течение неполных пяти дней⁵⁷. Псковичи дали

ему и его людям *«подворье оу святого Спасу в монастыри за рекою»*. Ратники распродали захваченных коней — *«все псковичемъ распрода, а друзии по волости»* и заскучали. *«И бысть Пскову от него велика истора, как самому кормомъ, так и его конемъ»*. Хотя, казалось бы, что значит десяток баранов, 800 кг сена и 500 кг овса в день, соль и крупу считать не будем, для *«огромного»* торгового города?

Василий Зиновьев, наверное, получил прозвище Дятел, за свое упорство и настойчивость. Каждодневно он призывал псковичей выступить на соединение с великокняжеской ратью. *«И он все дни Пскову повестуетъ: чтобы сести со мною на конь... а я к вам отпущень великимъ князем воеводою»*. Но псковичи, хоть и объявили войну Новгороду (послали *«разметную грамоту»*) 16 июня, в поход не спешили. Первым делом они начали строить новую стену, которая *«в пожаръ выгорела»*, и ни шатко ни валко проводить мобилизацию (наруб): *«...начаша по всем концом рубитися искрепка, а посадниковъ и бояръ великих на вече всем Псковом начаша обрубати доспехы и с конмы»*. Посадники и бояре должны были выставить конницу в доспехах, а простой люд — пешую рать.

Только 10 июля, *«в среду, на память святых мученикъ 45»*, войско выступило в поход. *«Пригороды и волости събравъ, князя Псковского Федора Юрьевичъ сынъ князь Василеи, и Тимофеи Власьевич, посадники псковские, а с ним 13 посадникъ псковских и вся сила псковская поидоша на Новгородскую землю»*⁵⁸. Другая псковская летопись, более ранняя по времени создания, о пикантных подробностях отношений Псковской Господы и Василия Дятла не упоминает. Зато говорит о числе войска и людях его возглавлявших: *«И отрядиша воеводами посадника Стефана Офанасьевича, и Якова Кротова, и Ивана Гихановича и инехъ. И скопишися вся сила 10 тысящъ, и поидоша за рубежъ съ князем Васильем Федоровичемъ и сташа под Вышегородком, и повоеваша волости около рубежа за 50 верстъ»*⁵⁹. Князь Василий Федорович Шуйский — сын князя Федора Юрьевича Шуйского из старшей ветви суздальских князей. Его отец был псковским наместником, но ввиду преклонных лет послал в поход сына.

Новгород

Пока Василий Дятел уговаривал псковичей выполнить договоренности с Великим Князем Московским, события на южном берегу озера Ильмень приобрели драматический характер. В Новгороде довольно быстро узнали о захвате Русы. Хотя объявление войны — присылка разметных грамот — произошло ещё 17–20 июня⁶⁰, в Новгороде надеялись решить дело миром и, как обычно, откупиться. Но сожжение Русы и известия о сборе войск во Пскове показали, что война неизбежна. Решили собирать силы для отпора. Первым делом на устье реки Шелонь, против возможного наступления псковской рати, послали «*владычин полк*» — воинов, служащих архиепископу. Этот отряд в Новгороде был единственным воинским соединением, представлявшим реальную силу, подчиняясь при этом одному человеку. Остальные — дворы (дружины) бояр, «*кончанские*» ополчения и прочие — требовали для мобилизации решения веча и согласия в боярской среде. А его как раз и не было. Другой воинский контингент «быстрого реагирования» — двор служилого князя Василия Васильевича Шуйского Гребенки ещё прошлым летом отправили на Северную Двину, чтобы он не мозолил глаза следующему приглашенному кондотьеру — князю Михаилу Олельковичу Слуцкому. Но литовский князь разругался с боярами и, как только узнал о смерти старшего брата, 15 марта 1471 года уехал в Литву на освободившийся киевский стол. Таким образом, в Новгороде не осталось ни опытных полководцев, ни профессиональных воинов.

К сожалению, в летописях не говорится точно, кто именно руководил новгородским войском в кампанию 1471 года. Об этих людях сказано: «*А новгородские посадники все и тысяцские купци и житьи люди и мастера всякие...*»⁶¹. Известны имена наиболее знатных лиц, захваченных впоследствии в плен, это «*Василеи Каземир, Дмитриеи Исаковъ Борецкои, Козьма Григорьевич, Яков Федоров, Матфееи Селезеневъ, два сестрича Каземировы, Павел Телятев, Кузьма Грузов, а житиих множество*». Известны имена тех, кого казнили по приказу Ивана III: «*Дмитрия Исакова Борецкого, да Василия Губу Селезенева, да Еремея Сухощюка, да Киприяна Арзубьева*». И тех, кого отвезли в заключение «на Коломну»: «*Василья Каземира, да Кузму Григорьева, да Якова Федорова, да Матфея Селезенева, да Кузму Грузова, да Федота Базина*»⁶².

Василий Александрович Казимир участвовал в бою под Русой в 1456 году, *«бился много и сбиша его съ коня и подомчаша ему иного, и на убежа уязвленъ»*⁶³, то есть опыт боевой имел, хоть и неудачный. Остальные «стратилаты» не имели и такого. Имели только должности, в основном наследственные. Четверо казненных бояр, согласно московской летописи — посадники⁶⁴, хотя Еремей Сухощок — *«владычен чашиник»*⁶⁵, а Киприян Сергеевич Арзубьев в более раннее время фигурирует в группе *«от житыхъ посолы»*⁶⁶.

Правда, все вопросы с Арзубьевым решатся, если принять версию В.А. Янина о существовании в Новгороде середины XIV–XV веков правительства из 6 посадников и 6 тысяцких — по одному главному посаднику и тысяцкому-«степенному» и по пяти посадских и тысяцких *«от концов»*⁶⁷. В таком случае всех послов *«от житыхъ»* можно считать *«кончанскими тысяцкими»*, избираемыми из бояр, представляющими интересы «простого народа» — житых, купцов, ремесленников и *«ишлильников новгородских»*.

Опять же, согласно московской версии, верховодила партией сопротивления Марфа Борецкая, вдова посадника Исаака Борецкого. Ее *«злодействам» посвящено два летописных листа (с оборотами) и начало третьего*⁶⁸. Марфа происходила из боярской семьи Лоцинских, дважды была замужем. Благодаря чему сосредоточила в своих руках огромные богатства и власть. *«Считают, что по величине собственности Марфа к концу XV в. была третьей после новгородского владыки и монастырей»*⁶⁹. Не имея возможности самой властвовать, она умело двигала во власть своих сыновей от второго брака — Дмитрия и Федора. В договоре с польским королем и великим князем Казимиром отсутствует имя степенного посадника, но Дмитрий стоит на почетном втором месте: *«А приехаша ко мне послове от нареченаго на владычество Феофила, и от посадника степенного, и от тысяцкого степенного Василья Максимовичя, и от всего Великого Новгорода мужей волных посадник новгородцкии Офонос Остафьевичь, посадник Дмитрии Исаковичь, и Иван Кузмин, сын посадничь, а от житыхъ Панфилеи Селифонтовичь, Кирило Ивановичь, Яким Яковличь, Яков Зиновьевичь, Степан Григорьевичь»*⁷⁰.

В.А. Янин датирует составление этого документа февралем–июлем 1471 г.⁷¹ По этому договору можно определить состав «антимосковской

партии»: это житии от всех пяти концов во главе со степенным тысяцким. Бояре от трех концов: от Славенского — посадник Афанасий Остафьевич Груз, от Неревского — посадник Дмитрий Исаакович Борецкий, от Плотницкого или Прусской улицы — посадник Иван Кузмин. Возможно, после объявления войны степенным посадником избрали Василия Казимира, он тоже был из Неревского конца⁷². Надо думать, что из этих людей состоял и командный состав формируемых ратей. Принцип формирования соответствовал *«исковскому нарубу»*. Для обороны *«с четыре сох конь и человек»*⁷³. Расшифровка счетного термина *«соха»* имеется в одной из новгородских грамот: *«А в соху два коня, а третье припряжь; да тиан кожевничской за соху; невод за соху; лавка за соху; плуг за две сохи; кузнецъ за соху; четыре пешци за соху; лодья за две сохи; црен за две сохи. А хто сидит на исполовьи, на том взяти за пол сохи»*⁷⁴. То есть мобилизации подлежали не только землевладельцы, но и городские жители, вплоть до «люмпенов» — *«пешцов»*. Эта категория выставляла одного всадника с шестнадцати мужчин в случае оборонительного похода. Поголовного выступления *«лапотной рати свободных граждан»* воинский призыв не предусматривал.

После взятия Русы войском великого князя в Новгород приплыло много беженцев. По новгородским сведениям, их было не менее *«оучанов 90 и малых соудов 60»*⁷⁵. По московским летописям, *«множество людей и з женами и з детьми..., глаголят бо, яко было суд тех великих 100 и 80, а по 50 человекъ в судне»*⁷⁶. Если считать по 50 человек на учан и по 20 на *«малое судно»*, то получится $4500 + 1200 = 5700$ человек, практически все население Русы. Из этого числа не менее тысячи человек были мужчинами — домовладельцами главами семейств. Они, естественно, хотели как можно быстрее вернуть свои дома и хозяйства. То есть освободить город от захватчиков, коли уж посадники новгородские не смогли предотвратить его захвата. Жители Русы представляли собой приличную политическую и военную силу. В походе на Ржеву в середине 30-х годов, они выступали отдельной ратью, возможно, со своим воеводою: *«А с рушаны Федоръ Остафьевъ»*⁷⁷. Их желания следовало удовлетворить, для чего новгородцы решили сформировать *«судовую рать»*.

Судовые рати

«Судовая» или «плавная» рать досталась Руси вместе с именем от легендарного Рюрика. Благодаря разветвленной сети речных путей перебрасывать войска и припасы по воде было намного проще, нежели по суше. Перед новгородским походом 1471 г. великий князь Иван Васильевич использовал таковую в казанских походах 1467–1469 гг. Правда, действуя автономно, судовые рати особого успеха не добились, пока на помощь не двинули конную рать из дворов великого, удельных, служилых князей и больших бояр. Во время осады Казани судовые рати действовали в пешем строю. Существует мнение, что набирали в них самых бедных и никчемных воинов, но это не так. В казанских походах о большой судовой рати сказано: *«Тоя же весны по велице дни надругои неделе послал князь великий на Казанские места рать в судех, воевода Костянтинъ Беззубцевъ Александрович, а с ним многие дети боярские, дворъ свои, тако же и от всеа земли своеа дети боярские изо всех градов своих и изо всех отчин братии своее по тому же. А с Москвы послал сурожанъ и суконниковъ и купчих детей прочих всех Москвичь, коих пригоже по их силе, а воеводу над ними поставикнязя Петра Оболенского Васильевича Нагово. И те поидоша Москвою рекою к Новугороду к Нижнему, а инии Клязмою, а Коломничи и все, которые выше их по Оце, Окою поидоша, и Муромцы тако же, а Володимерцы и Суздальцы Клязмою, Дмитровции Можайчи и Угличане. Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и прочии все Поволжане Волгою к Нову же городу на один срок»*⁷⁸.

Наверное, в последний раз в поход ходило московское воинство из обывателей. В гражданской войне оно показало себя с плохой стороны. Летописец характеризовал московских ополченцев нелицеприятно: *«...а от Москвич не бысть никоея помощи, мнози бо от них пьяни бяху, а и с собою мед везяху, что пити еще»*⁷⁹. Но их сторицей заменили городовые дети боярские, потомки ратников «городовых» ратей великих князей Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича. Эта категория служилых была многочисленна, но бедна, не имея заводных коней, они могли сражаться только вблизи от места проживания. Например, в Суздальской битве прибытие владимирского «городового» полка увеличило великокняжеское войско в полтора раза. Утром 6 июля войско, состоявшее из двора великого князя, дворов удельных князей Василия Ярославича

и братьев Ивана и Михаила Андреевичей *«вступиши на поле и мало бевои их, яко не с тысячу»*. Но вечером *«приде к великому князю Алексею Игатьевич с полком своим»* и войско пополнилось; *«бяхи их с полторы тысячи»*⁸⁰. Алексей Игнатьевич Жеребцов происходил из рода Андрея Кобылы, его отец Игнатий Семенович в боярской иерархии был только одним местом ниже Андрея Ивановича Акинфова. Будучи коломенским воеводой, он погиб в битве на Смядве 1 июня 1408 года⁸¹. Сын пошел по стопам отца и в 1445 году был воеводой во Владимире.

Кроме большой судебной рати из центральных районов, в казанской эпопее принимала участие судебная рать из северных земель: *«А к Устюгу послал князь великий воеводу своего князя Данила Василевича Ярославского, да с ним свои же дворъ, детей боярских..., а с Вологды воевода княж Одреевъ Меньшого Семен Пешек Сабуров с Вологжаны. А пришед на Устюг, поидоша в судех к Вятке, а и Устюжане с ними же. И пришед к Вятке начаши Вятчаном глаголати речью великого князя, чтобы пошли с ними на Казаньскаго царя»*⁸².

Почти в таком же составе судебная рать северных земель участвовала и в войне против Новгорода в 1471 году: *«В 31-и же день месяца мая в пяток послал великий князь Бориса Слепца к Вятке, веля ити им на Двинскую землю ратью же, а к Василью Федоровичю посла на Устюгъ, что бы съ Устяжины на Двину же ратью пошелъ, а зжидал бы ся з Борисом да с Вятчаны»*⁸³. Рать насчитывала *«4 тысячи без 30 человек»*⁸⁴. Вологжане князя Андрея Васильевича со своим воеводой Семеном Федоровичем Сабуровым совершили самостоятельный поход на волость Кокшенгу⁸⁵.

На Северной Двине их уже ожидала, скорее всего, сопоставимая по численности (в 1445 году *«ратъ Заволочская»* насчитывала 3000 человек⁸⁶) судебная рать служилого новгородского князя Василия Васильевича Шуйского. Вместе с ним был *«воевода Заволоцкии Василии Микифоровичъ... съ своею ратью и съ Заволочаны и с Печеряны»*⁸⁷. Более подробно кампания на Двине описана М.А. Несиным⁸⁸, а мы на ней останавливаться не будем.

Новгородцы судебные рати применяли очень часто, что связано с их успешной колонизацией земель по Северной Двине и Печере. Особой известностью пользуются *«ушкуйные»* походы поры Ордынской Замятни. Но были и официальные походы, с благословения епископа

и при участии членов правящего совета господ. Правда, последний такой поход случился довольно давно, его можно датировать 1398 годом. Тогда *«биша чолом посадникъ Тимофеи Юрьевич, посадникъ Юрьи Дмитриевич, Василии Борисович и бояри и дети боярскихы и житьи люди и купечкыи дети, и вси ихъ вои: „благослови, господине отче владыко, поискати святеи Софеи пригородовъ и волостей: или пакы изнаидем свою отчину къ святеи Софеи и к Великому Новгороду, пакы ли свои головы положимъ за святую Софею и за своего господина за великыи Новгород“»*⁸⁹. Владыка благословил и *«ходиша новгородци за Волокъ ратью, воевода посадникъ Тимофеи Юрьевич, Юрьи Дмитриевич, Василии Синец, а рати с ними 3000»*⁹⁰.

Наверное, и в этот раз, попросив у владыки благословения, взялись снаряжать войско. Правда, часть наиболее активной доли общества — *«шильники»* уже отбыли со служилым князем Василий Василевичем Шуйским на Двину⁹¹, но было много *«рушан»*, горевших желанием вернуть свое добро. Дело оставалось за малым: вооружить их, оснастить суда, усилить профессиональными отрядами детей боярских из дружин бояр, поставить воеводу и, помолясь, отправить через озеро *«поискати святеи Софеи пригородовъ и волостей»*. Дело пошло спорно, не в пример сбору конного войска, ратники которого ни шатко ни валко съезжались со своих сотен, присудов, волостей и погостов. В первых числах июля судовая рать была готова к боевым действиям. Кого назначили воеводой, доподлинно неизвестно. Можно предположить, что назначили Киприана Арзубьева. О его участии в Шелонской битве нигде не сказано, но, тем не менее, он был казнен как один из главных *«изменников»*. Вторым воеводой мог быть кто-то из рушан. Возможно, если допустить, что вооружалась и оснащалась рать на средства Марфы Борецкой, там же был и ее младший сын Федор. За хозяйским добром должен был быть и хозяйский же пригляд.

Задачей судовой рати, скорее всего, ставился захват и удержание города Руса, а также контроль рек Полисть, Ловать и Пола. Гоняться за конницей пешком невозможно, но перекрыть переправы и броды, нарушить коммуникации и вести *«малую войну»* вполне реально. Это могло заставить московскую загонную рать отступить, оставив псковичей один на один с новгородской конницей. В случае чего, судовая рать могла рассчитывать на помощь владычина полка, стоявшего в устье реки Шелонь.

Церковное воинство

Владычин полк, иначе «*стяг*» (калька литовской «*хоругви*»), являлся единственным постоянным воинским подразделением Новгорода. Скорее всего, он вел свою историю от тех новгородских воинов, коим князь Владимир Святой заповедовал выплачивать постоянное жалование в размере 1000 гривен: «...а тысячу Новегороде гридемъ раздаваху, а тако даяху посадници Новъгородъстии»⁹². В ту пору именно посадники, назначаемые князем из Киева, правили городом. Со временем положение изменилось, главой совета господ стал новгородский епископ, и обязанность содержать гридей легла на него. При помощи этой воинской силы, епископы могли поддерживать порядок в городе, где постоянно шла борьба между боярскими группировками.

Следует отметить, что «церковные» воинства существовали и в других местах. Свое войско имел митрополит московский. Известен договор между великим князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном, где рассматриваются военные вопросы. «Апро воину, коли яз самъ, кн(я)зь великии, сяду на кон(ь), тогда и митрополичим бояром и слугам, а под митрополичим воеводою, а под стягом моим, великог(о) князя; а кто будет бояр или слуг не служивал Алексею митрополиту, а приказался ново митрополиту, а те поидут под моим воеводою великог(о) князя, где которыхи живетъ, инъ под тем воеводою и есть»⁹³. Этот договор заключался в период сильной княжеской власти и в тот момент, когда митрополит Киприан был готов на все ради получения кафедры, с которой его согнал отец князя Василия Дмитрий Донской. По договору Василий и часть ордынской дани возложил на церковь, чего раньше не было. Но в нем описано и положение дел при митрополите Алексии, который был в свое время фактическим правителем великого княжества Владимирского. Тогда митрополичье воинство было автономно и подчинялось лишь главе церкви.

Митрополичьи и монастырские дети боярские и военные слуги существовали вплоть до времен Петра Алексеевича Романова. Сохранилась отдельная поминальная запись «Митрополичим детем боярским» погибшим в августе 1535 года в Стародубе «от безбожных литвы»⁹⁴. Как писал первый российский диссидент князь Андрей Курбский, «есть в той земле (на Руси. — Д.С.) мнози мужие благородные,

светлых родовъ, имения мають, во время мирное архиепископом служат, а егда брань належитъ от супостатовъ окрестныхъ, тогда и в войску християнскомъ бывають. Которые не хиротонисаны»⁹⁵. «Хиротонисаны» — значит «рукоположены». То есть воинскую службу несли светские лица, не имевшие церковного сана, но жившие на церковных землях.

Были и митрополичьи бояре. Со времен митрополита Киприана на Москве первое место среди них заняли потомки Степана Феофановича Бяконта, племянника митрополита Алексия. Его потомки служили митрополичьему дому боярами и детьми боярскими из рода в род. В родословцах их называли «*Фомины митрополичьи*»⁹⁶. Кроме родственников владыки Алексия, С.Б. Веселовский описал судьбу рода дворян Шолоховых-Чортовых. О них и вовсе сказано: «*А нет пути им нигде из дому Пречистыя богородицы*»⁹⁷. О многих других, на судьбе которых сейчас некогда останавливаться, при желании можно прочитать⁹⁸.

Нечто подобное было и в Новгороде в «*доме святой Софии*», и в Твери в «*доме святого Спаса*», и в других епархиях. Причем в Новгороде влияние «*софьян*» — архиепископских бояр и детей боярских, было наиболее сильным, так как не имело противодействия со стороны княжеской власти. А боярские группировки, разъединенные «*по концам*», никогда не могли противостоять «*дому святой Софии*», даже если на посту архиепископа стояло полное ничтожество. Именно из этих людей и их слуг состоял «*владычин стяг*». Они были боярами и детьми боярскими, но не «*новгородскими*», а «*церковными*». Руководил ими в 1471 году, скорее всего, «*владычин чашник*» Еремей Сухощок. Чашник — чин очень почетный, в соседней Литве его занимали представители самых знатных родов. Возможно, Еремей фактически вел и всю политику «*дома святой Софии*».

Коростыня

Захватив 24 июня Русу, воеводы загонной рати первым делом послали во Псков Василия Зиновьева Дятла. О его мытарствах уже сказано ранее. Затем разорили и сожгли дома, покинутые жителями города. Монастыри и церкви, по-видимому, не трогали. Находиться в разоренном крупном населенном пункте войску нецелесообразно

по санитарным соображениям. Оставленная жителями при бегстве скотина без ухода погибает и начинает разлагаться. А лето 1471 было очень жарким, *«зانه же Ловать засохла, бяще же засуха того лета, и бысть пагуба велика»*⁹⁹. Кроме того, пожары, устроенные победителями, начинали угрожать им самим. Поэтому рать вышла из сожженного города и расположилась станом у погоста Коростыня, примерно на полдороге между Русой и устьем Шелони в ожидании вестей из Пскова.

Погост находился недалеко от берега озера, соответственно, войско не испытывало недостатка в воде и лошади чувствовали себя неплохо. По татарскому обычаю половина рати находилась в лагере, другая половина, поделенная на мелкие загоны, прочесывала окрестные деревни и леса, изыскивая укрывшихся там жителей. Коростынский погост считался одним из богатейших. Кроме самого погоста с церковью святого Николая и четырьмя дворами, в нем на конец века числились ещё 4 села и 43 деревни. Пашни — 301 обжа¹⁰⁰. Было, где порезвиться. Так продолжалось больше недели. Хороших вестей из Пскова не приходило. Окрестности были прочесаны и выжжены, луга вытоптаны. На устье Шелони объявились новгородцы под стягом святой Софии. Вставал вопрос: что делать дальше?

Решение помогли найти сами новгородцы. В первых числах июля судовая рать переплыла Ильмень и освободила Русу. Увидев, что натворили захватчики, воины судовой рати воспылали праведным гневом и потребовали у воевод покарать злодеев. Гнев народный в условиях демократии — страшная сила. Кроме того, из-за засухи действовать по речным путям не представлялось возможным, а расположение московского стана у Коростыни, вблизи озера предоставляло неплохой шанс для неожиданной атаки с воды. Для дальнейшей реконструкции событий следует попытаться определить численность судовой рати. Прямых указаний на этот счет нет. Есть только два упоминания о якобы убитых. Одно, оригинальное, в Львовской летописи: *«...убиша ихъ яко до четырехъ тысяць»*¹⁰¹. Другое, распространенное, из Софийских летописей: *«...и оубиша тоу новгородцевъ с пятьсотъ человекъ»*¹⁰².

Источником Львовской летописи в этой части принято считать некий оригинальный летописец *«в ряде случаев весьма оппозиционно освещавший события 50–80-х годов XV века»*¹⁰³, поэтому отмахиваться

Схема движения великокняжеских войск под командованием князя Д. Д. Холмского и Ф. Д. Хромого и новгородской судовой рати в южном Приillyменье в конце июня-начале июля 1471 г.

от него не стоит. Также следует помнить, что глагол «убивати», «убиваю» в древнерусском языке имел три значения: 1 — бить, колотить, 2 — умерщвлять, 3 — казнить¹⁰⁴. Таким образом, возможно прочтение «били их яко до четырех тысяч». Либо возможна ошибка переписчика, написавшего «убиша» вместо «быша», как-никак переписывалась летопись через сто лет и, возможно, с ветхого оригинала. Думаю, вполне резонно предположить, что общая численность новгородской судовой рати составляла «до 4000» человек, что примерно соответствует численности ранее упомянутых судовых ратей новгородцев.

С такими силами и поддержкой «*владычина стяга*» разгром зарвавшихся москвитов (если их действительно было «1000-у вой») выглядел вполне реально.

В Львовской летописи события описаны следующим образом: «*Тоже слышавше Новгородцы събравшися въ насадахъ по озеру Ильмерю приидоша же под Русу*»¹⁰⁵. Описание более похоже на данные новгородского источника, частью дошедшего до нас в Строевском списке¹⁰⁶, нежели на московскую традицию. В отличие от московских вестей в Львовском и Строевском списках действует только одна судовая рать новгородцев и военные действия не разделены на бой у Коростыни и у Русы. Для информатора все эти военные действия составляли одно целое. Судя по тому, что московские воеводы позже послали только одного гонца с вестью к великому князю, для них сражение тоже было одно.

Основываясь на вышеизложенных известиях, можно предположить следующую последовательность событий. Воеводам судовой рати пришлось оставить большие суда (учаны) в устье реки Ловать, на Взваде. В Русу из-за засухи шли на малых судах, а возможно, и пешими. Заняв город, оставили там часть войска, вероятно, большую — «*множае первее и сугубеишая*»¹⁰⁷. Слово «*сугубо*» в старину значило «вдвое»¹⁰⁸. Значит, в атаковую рать отобрали около 1300–1400 человек. Для обороны города оставили 2600–2700. Возможно, эта часть войска имела огнестрельное оружие. Перед ней ставилась задача закрепиться в городе и держать речные переправы, дабы ни один «*шестник*» не ускользнул из западни. Меньшая, но лучшая часть судовой рати вернулась на Взвад, а оттуда двинулась к Коростыни. В набег пошли на малых, вместимостью 20–30 человек, плоскодонных судах — насадах. На них можно было подойти незаметно и быстро высадиться на берег. Это новгородцам вполне удалось. Но случилось непредвиденное.

Воеводы московской рати, как уже говорилось, раскинули лагерь у Коростыни. В московской летописи сказано: «*И яко же приидоша на место, нарицаемое Коростыня, у езера Илмря на брезе, и внезапно паки безвестно прииде на них по озеру рать в судехот Новгорода, и, из суд вышед, приидоша таем под станы их, а им в то время оплошившимся*»¹⁰⁹.

Старорусский глагол «*оплошно*» означает «беззаботно, неосторожно»¹¹⁰. Видимо, это относится к охране места стоянки. Судя по множественному числу слова «*станы*», лагерей было несколько, наверное,

великокняжеский двор стоял своим станом, удельные — своим. Численность войска к тому времени должна была уменьшиться минимум на сотню, отправленную во Псков с Василием Дятлом. Кроме того, должны были быть небоевые потери, без которых не обходится ни один марш. Но ими можно пренебречь. Кроме 900 «воев», в лагерях находились «кошевые» — обозные слуги. Только возчиков должно было быть не менее двухсот («на пять человек телега»), и это у самых бедных «воев», из категории «слуг», как «вольных», так и «послужильцев». У более знатных «детей боярских» могло быть и по возу у каждого. У бояр и князей — по несколько возов. На возах перевозили съестные припасы, стрелы, доспехи. Доспех надевали непосредственно перед боем. День и ночь напролет в панцире и шлеме ходят и скачут на конях только в кино. Учитывая, что рать уже «ополонилась» — порядком награбила и набрала пленных, станы должны были ещё более разбухнуть за счет добычи. Соответственно и порядок в них соблюдать стало трудно.

Скорее всего, удар высадившихся с насадов новгородцев пришелся по станам удельных дворов и вызвал там панику. Новгородцы стали развивать успех: «...пеши бишася много, и побиша Москвичь много»¹¹¹. В результате преследования они далеко отошли от берега и своих судов. В это время очнулась стража великокняжеского стана. Московский летописец пишет: «Сторожи же воевод великого князя, видевшие их, възвестиша воеводамъ». Далее сказала выучка и профессионализм великокняжеского двора, отточенные в гражданской войне и казанских походах: «Они же, в той час въоружившеся, поидоша противоу их и многих избиша, а иных роуками изымаша»¹¹².

Если бы в этот момент судовую рать поддержала конница, стоявшая в устье Шелони на расстоянии пятнадцати верст, исход боя мог измениться. Но ратники владычина полка отказались поддержать судовую рать, мотивируя это тем, что их послали против псковичей, а не великокняжеских воевод. «А коневаа рать не пошла к пешей рати на срок в пособіе, зане же владычень стягъ не хотяху оударитеся на княжо рать, глаголющее: „владыка намъ не велелъ на великого князя руки подынути, послалъ насъ владыка на Пьсковичь“»¹¹³. По-видимому, Еремей Сухощок был в это время в Новгороде. Оставшиеся воеводы средней руки пошли на поводу рядовых ратников, не желавших рисковать. Собрали вече и приговорили судовую рать к гибели. Причем даже

не предупредили о своем решении, хотя «срок» был оговорен. Возможен и другой вариант. Московские дозоры постоянно сновали по другому берегу Шелони и создавали видимость присутствия основных сил именно здесь, а не в станах. Сухощок не рискнул переходить реку, опасаясь столкнуться со всем московским войском. И, возможно, он был прав. Воевод великого князя в атакованном стане не было, их о нападении, как мы знаем, оповестили «сторожи».

Ход дальнейших событий оказался предсказуем. Новгородцев отрезали от берега, началась «*татарская пляска*». Эту «*пляску*» позже описал имперский посол в Московии Сигизмунд Герберштейн: «*Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага... Такой способ боя из-за сходства называют „пляской“... командир или вожатый приближается со своим отрядом к вражескому войску и, пустив стрелы, отъезжает; за ним — другой отряд, и таким образом один отряд за другим, пока первый снова не вернется вслед за последним*»¹¹⁴.

Часть новгородцев сумела бежать: «*...и пешей рати паде много, а иные разбежася*»¹¹⁵. Спасался кто как мог. Одни бежали к озеру, надеясь сесть на суда, другие по земле в ближайший город Русу: «*...инии в воде истопоша, а инии в град оубежаша поведущи ся гражанам яко избиении были от воевод великого князя*»¹¹⁶. Но основная масса была окружена и гибла под стрелами в смертельном хороводе московитов: «*...и оубиша тоу новгородцевъ с пятьсот человекъ*»¹¹⁷. Оставшихся в живых захватили в плен: «*...а иных руками изымаша*»¹¹⁸.

Пленных оказалось почти столько же, сколько победителей. Встал вопрос: что с ними делать? С запада великокняжеской рати угрожал «*владычин стяг*». Воеводы не могли знать, что свободолюбивые новгородцы решили бросить своих соратников. Они ожидали удара оттуда и хотели быстрее уйти на восток. Но в Русе их ожидало другое, вдвое большее пешее войско новгородцев. На него следовало напасть как можно скорее, пока оно находилось под впечатлением панических рассказов беглецов с коростынского поля. Тащить с собой ораву пленных, многие из которых были ранены, не представлялось возможным. Просто убить столько православных было не по-христиански. Век тогда

был жестокий, но люди старались жить по Заповедям Господним и кровь единоверцев напрасно не лить.

Кому именно принадлежит идея решения вопроса неизвестно. Но раз главным воеводой назван князь Данила Холмский, то и спрос с него. Оно было принято быстро и при всеобщем молчаливом согласии: «...тем же изниманнымъ самимъ меж себе повелеша носы и губы и уши резати и отпускаху их назад к Новугороду»¹¹⁹. Как происходила казнь? Вызвались ли из новгородцев добровольные палачи? Или их заставляли калечить земляков под угрозой смерти? Бог весть. Но московиты свои руки кровью пленных не запятнали, «господа новгородичи» все сделали сами. После экзекуции их отпустили. То ли загнали на суда и велели плыть, то ли погнали в сторону Шелони — неважно, ибо эффект от казни оказался сильным: и без того разделенное на кланы новгородское общество раскололось ещё сильнее. И действительно, трудно жить дружно бок о бок с соседом, который отрезал тебе нос, а ты ему отрезал уши.

Великокняжеским воеводам нужно было торопиться, поэтому все лишнее и мешавшее маршу уничтожили. Даже доспехи, самый ценный трофей не пожалели: «А доспехи снимающе, в воду меташу, а инии огню предаша». Позднее придумали отговорку: «Не бяху им тебе, но своими доспехи всеми доволни бяху»¹²⁰. В такое верится с трудом. Дело было не в изобилии защитного вооружения у великокняжеских воев, а в невозможности вывезти это богатство. Но жизнь и свобода ценнее.

Уже в тот же день, вероятно к вечеру, московиты подошли к Русе. Город находился почти в тридцати верстах от поля боя: «И оттоле паки възвратишася к Русе, в той же день». Невероятный темп. Подвергнуться неожиданному нападению, выдержать битву, распорядиться с пленными и трофеями, совершить форсированный марш... А потом, если верить московскому летописцу, разогнать ещё одно вражеское войско вдвое больше прежнего! «Воеводы же великого князя, и на тех пришедше побиха их и послаша к великому князю с тою вестью Тимофея Замытьского»¹²¹.

Во вторую битву верится с трудом. Скорее всего, новгородцы, прослышав о поражении своих соратников, испугались, бежали на Взвод, сели на суда и отплыли от греха подальше. С носом и ушами все-таки лучше, чем без оных. Да и зачем было пытаться судьбу, если задачу он

выполнили: московская рать поспешно уходила. Наверное, потери были так высоки, что, не задерживаясь в Русе загонная рать отошла к крепости Демон, расположенной в 70–75 км к юго-востоку: «...а сами воеводы от Русы поидоша к Деману городку»¹²².

К великому князю с радостной «весью» — «сеунчем», послали Тимофея Замыцкого. Обычно «сеунициками» — носителями вестей о победе, были воеводы среднего звена, отличившиеся в битве. У великого князя их ждала награда. Тимофей Петрович Замыцкий происходил из старого боярского рода Акинфичей и приходился дальней родней второму воеводе Федору Давыдовичу Хромому¹²³. Действительно ли он отличился в бою, или ему порадел родственник, сказать трудно. Известно о нем мало. Примерно во время казанских походов новгородской войны он свидетельствовал покупку земли князем Даниилом Дмитриевичем Холмским в Скирмановом стане Рузского уезда¹²⁴. В 1483 году он упомянут в великокняжеской грамоте, как сын боярский двора великого князя: «...яз посылал на те земли розводищика своег(о), с(ы)на боярског(о) Тимофея Петровича Замытског(о)»¹²⁵. В начале XVI века имел немалые вотчины в Переяславском уезде¹²⁶. Скорее всего, и в 1471 году он состоял во дворе великого князя и находился при Даниле Холмском. Возможно, именно он командовал дозором, оповестившим воевод о нападении новгородцев.

Тимофей Замыцкий «примчал» к великому князю Ивану Васильевичу «иуля в 9 день на Коломну озеро»¹²⁷. Озеро Коломно находится в 25 км к северо-западу от Вышнего Волочка. Если ехать от Русы, примерно 150 км по прямой. Но прямых путей на Руси не бывает. Ю. Г. Алексеев считает, что этот путь Тимофей Петрович преодолел «не менее, чем за двое суток» и бой под Коростыней произошел 6 или 7 июля¹²⁸. Думаю, что более реально — 5 июля, а 6-го его отправили с сеунчом. Но за неимением точных данных это только предположения.

Великому князю самоуправство воевод не понравилось. Он приказал им снова идти к Шелони на соединение с псковичами. «Князь же велики посла к ним, веля им итти за реку Шолону сниматися съ Пъсковичи. И под Демоном велел стояти князю Михаилу Андреевичю съ сыномъ своим княземъ Васильемъ и со всеми вои своими»¹²⁹. Скорее всего, к Демону в то время подтянулась и рать Оболенских. Если бы она действовала восточнее Новгорода, то новгородцы не решились бы все

силы кинуть против Пскова. А они пошли на это, совершенно не опасаясь удара с востока, как будто там никого и не было. Надо думать, обе загонные рати объединились под Демоном и вместе с татарами отправились в новый поход. Отсутствие в описании дальнейших событий имени Ивана Стриги Оболенского намекает, что во главе рати, стоял все-таки его сын — Василий. И неисполнение им приказа столь разозлило великого князя, что молодой князь ушел в монахи, став Вассианом, а двор князей Оболенских и татарских мурз (князей) передали под команду князю Даниле Холмскому. Вопрос участия татар в Шелонской битве, на мой взгляд, довольно аргументированно разобрал М. А. Несин, добавить нечего¹³⁰.

Шелонь

Решение великого князя Ивана Васильевича повторно послать в бой загонные рати вызывает вопросы. Логичнее было наградить воевод и воев за победу и дать отдохнуть. Они ведь устали и понесли потери? Зачем бросать их против свежей новгородской конной «кованой» рати? Это можно объяснить только одним: других мобильных войск у него не было. Даже блокаду крепости Демон (331 м по периметру, *«на городище церковь Егорей Великий; на городище ж дв. поп Созон, дв. церковный сторож Михалко; на городище ж дв. наместничь»*) великий князь поручил удельному князю Михаилу Андреевичу Верейскому, потому что у него был свой нетронутый ранее двор, пусть небольшой, но свежий. Боеспособные вои из дворов остальных князей находились уже в загонных ратях князей Холмского и Оболенского. И только они обладали мобильностью, необходимой для победы.

То, что не спеша двигалось с великим князем, было красочной массовой. В том числе и союзная тверская рать, воеводы которой могли оказать помощь, если победа виделась неоспоримой, а могли и не рисковать своими ратниками. Никто не знал, какие именно напутствия дал тверским воеводам великий князь Михаил Борисович. Хотя он и был молод, ему шел 18 год, но уже должен был понимать, что чрезмерное укрепление Москвы угрожает Твери. Тем более что его сестра, жена великого князя Ивана, скончалась 22 апреля 1467 года. Злые языки поговаривали — от яда. А женой самого великого князя Михаила стала (или должна была вскоре стать) княжна Софья Семеновна Слуцкая

из Литвы. Возможно, ее сопровождал *«честен человек именем Ян Августович, прозвище Кан»* со своим двором в 100 копий (*«от двора его приехало с ним триста человек»*)¹³¹. И в какую сторону могли повернуться эти копы, никто не мог предположить. Скорее всего, главной задачей тверских воевод было проследить, дабы московиты не особо *«корыстовались»* в тверских землях.

Для возможной осады Новгорода нужны были пушки, осадные орудия и пехота. Их великий князь московский с собой не взял, рассчитывал на Псков. Уход великокняжеских воевод с Шелони ставил псковскую рать, которая 10 июля все-таки вышла в поход, под угрозу разгрома. Псковский летописец описывает это так: *«А новгородци оуслышавше силу псковскую, что воюють их волости, и отрядиша воеводю Казимира, и Дмитрия сына Марфина и инех много бояръ, и около их всеи новгородскои силе 40 тысяць, и поидоша на псковичь»*¹³². Как мы помним, свои силы тот же летописец определил в 10 тысяч, в четыре раза меньше. К тому же, если судить о последующих действиях псковской рати при осаде Вышгорода: *«...и начата бити поушками и стрелами стреляти и начаша к нему примет приметывати»*¹³³, там действительно был приличный осадный наряд (парк). Вероятно, из-за этого 75–80 км, отделявших Псков от Вышгорода, войско преодолеvalo пять дней, по 15–16 км за переход.

Великокняжеская рать 115–120 км от Демона до Шелони прошла за пару дней, если приказ о выступлении они получили 10–11 июля. 13 июля к вечеру московские дозоры увидели врага на противоположном берегу реки. *«Пришедшимъ же имъ к реце Шолоне, и ту стретиша и Новгородци по оной стране реки Шолоны, ездяща и гордящееся и словеса хоульные износяще на воеводъ великого князя»*. Воеводы приказали становиться лагерем на ночлег: *«...сташа станомъ не се страны реки, бе бо уже вечер»*. Скорее всего, ночью захватили языков, которые поведали что *«множество же бо беша Новгородцивъ, яко тысяць сорок или больши»*¹³⁴ (возвращаясь к нашим баранам, можно посчитать, что такое войско должно было съедать 4000 баранов или 500 коров ежедневно).

О *«многом множестве»* новгородцев писалось уже неоднократно, прорабатывали этот вопрос и Ю.Г. Алексеев¹³⁵, и ваш покорный слуга¹³⁶. В отличие от битвы под Русой на Шелонь новгородцы собрали

всех, кого могли. Если принять за норму формулу «с *четыре сох конь и человек*», то с бояр полагалось собрать 1000 всадников, с житых и купцов — 2000, с церковных земель — 500. Сколько-то можно было собрать с самого Новгорода, в котором было порядка 5000 дворов, но даже если взять каждый двор не за обжу (как в селах и деревнях), а за соху, то наберется еще 1250 всадников. Всего с большой натяжкой могло быть до 5000 конных воинов. Но, скорее, их было около 4000, то есть летописные строки относительно великокняжеского войска можно вполне отнести к новгородской рати, а московитов могло быть 1500–2000 человек. Дальнейшее описание событий косвенно подтверждает данную версию.

Где произошла встреча, точно не указано. Скорее всего, в 20 км от устья реки Шелонь в месте впадения в неё реки Мшага. Там находилось селение Соль Новая, иногда его называли Руса Новая. В писцовой книге конца XV века сказано: «...на *Пишаге Слоновая (Соль Новая) дворов 25, опроче великого князя двора да 22 варницы*»¹³⁷. А чуть ниже по течению в Шелонь впадает речка Струпенка. Таким образом, место было защищено с трех сторон реками и идеально подходило для военного лагеря. Там же, у Струпенского погоста, находился и перевоз через реку Шелонь¹³⁸, который следовало защитить от московитов.

14 июля, в воскресенье рано утром «в *неделю, по рану*»¹³⁹ войско великого князя свернуло лагерь. Воеводы велели построиться, как на показ, демонстрируя свою малочисленность. Некоторое время рать оставалась на виду у новгородцев. Вой с обеих сторон переругивались через реку и пускали стрелы, которые не могли причинить серьезного вреда. «*На оутро же наши исполчишися и стояху противу имъ, и стреляющимся обоемъ... и глаголааху словеса хульные*»¹⁴⁰. Затем московские полки демонстративно на виду неприятеля двинулись вверх по течению реки.

В новгородском стане события развивались не так просто. Всю ночь там шли дебаты. Воеводы стали было думу думать, но простые ратники собравивече «*иначаша вопитина большихъ людеи*» требовали начать битву: «*оударемся ныне*». Главной причиной служили слишком большие издержки, которые они понесли при мобилизации: «...*каждо глаголющи: язъ человек молодый, испротеряхся конемъ и доспехомъ*»¹⁴¹. «Проторь» значило расход, издержка¹⁴², «*испротеряхомся*» — издержался на коня

и доспехи. Обычные ополченцы не желали более тратить свои средства на войну. Тем более *«шестников»*, то есть москвитов, на правом берегу было очень мало по сравнению с новгородским скопищем. На глазок раза в четыре меньше, а то и в пять. Иначе и быть не могло. Ведь еще добрый рыцарь Жильбер де Ланнуа поведал всему просвещенному миру, что *«все сеньоры названного Великого Новгорода имеют силы в сорок тысяч конницы и без числа пехоты и ведут часто войны со своими соседями, а особенно с сеньорами Лифляндии и выиграли в прошлые времена много больших битв»*¹⁴³.

В лагере на Шелони действительно собрались все *«сеньоры»*. Но вот *«бесчисленная пехота»* залечивала свои раны по домам после Коростынской *«пляски»*. Не в силах противиться большинству, воеводы велели трубить выступление в поход. Новгородское войско не торопясь выстраивалось в походную колонну и покидало защищенное самой природой место. Скорее всего, рать состояла из шести полков (стягов, хоругвей): *«владычина»* и по полку от каждого из пяти городских концов: Славенского, Плотницкого, Неревского, Загородского и Людина. Людин конец, имел еще одно название — Гончарный. Так что московский летописец написал чистую правду о составе новгородского войска: *«...новгородицкие посадники все и тысяцкие, купцы и житии, людие монастыри всякие, спроста реици плотници и горчары и прочии»*¹⁴⁴. Это уже позже, когда в Воскресенской летописи *«монастыри»* исправили на *«мастыри»*¹⁴⁵, фраза получила другой оттенок. Первый летописец только перечислил, кто входил в войско, особо упомянув два конца — Плотницкий и Гончарный, а не ремесленников плотников и гончаров¹⁴⁶. Возможно, под *«плотниками»* он подразумевал *«Торговую»* Сторону города, где находился Плотницкий конец. А под *«гончарами»* — *«Софийскую»* с Гончарным концом. Дальнейшее продолжение фразы *«которые родивыся на лошади не бывали»* относится ко всему воинству Господина Великого Новгорода. Может, кроме главного воеводы Василия Казимира. Он был в бою под Русой в 1456 году. Кто еще из людей (воинами их назвать язык не поворачивается), собравшихся в тот день на Шелони, там был? Неизвестно. Может, сотня или две из боярских дружинников, или *«софьян»*. С 1456 года Новгород ни разу не собирал такого войска, в том не было необходимости. Но свобода и демократия требует жертв и *«испротерь»*.

Если новгородцы двигались по 4 всадника в ряд (ширина строя 6–8 м), то длина походной колонны при расстоянии между рядами в один лошадиный корпус (от носа одной лошади до носа другой 10 м) должна была составлять 10 км без учета обозов. Если по 8 всадников в ряд (12–16 м), соответственно, 5 км. Сторонники сорокатысячного войска могут посчитать протяженность колонны сами, помня при этом, что от Новгорода до устья Шелони километров 40. Походная колонна великокняжеского войска с учетом заводных лошадей могла растянуться на 3–6 км при движении шести коней в ряд, или трех соответственно.

Некоторое время оба войска двигались параллельно: «...едут с ними поровноу обь он пол реки»¹⁴⁷. Новгородцы по левому берегу, москвичи — по правому. Новгородские воеводы двигались довольно беззаботно, уверенные, что у Сольцов Шелонь перейти нельзя: «...никогда тамо броду имущи»¹⁴⁸, то есть не было. Однако они не учли засуху, случившуюся тем летом. «Како ише земля их, не крапля дождя с небеси на землю их не бывало въ всем лете с месяца маия и до месяца септемврия»¹⁴⁹. Где-то в 35 км от устья реки Шелонь, «не дошедшее Мусьца и Сольцы»¹⁵⁰, новгородские дозоры наткнулись на москвитов, развернувшихся по берегу речки Дрянъ. Встреча с московским авангардом стала для Василия Казимира и Дмитрия Борецкого неприятной неожиданностью.

Скорее всего, на рассвете, пока в новгородском стане происходило всенародное обсуждение дальнейших действий, вызванных появлением неприятеля, московские воеводы отрядили часть войска вперед. Надо думать, это были удельный дмитровский двор воеводы Василия Вельяминова (за что он и попал на страницы летописи) и татары. Возле Свинорецкого погоста они переправились через Шелонь. Брод, о котором не знали новгородцы, наверное, обнаружили ещё в первый приход, до боя под Коростыню. Дмитровцы встали вдоль берега речушки, а татары зашли севернее и укрылись в лесу. Если бы дозоры новгородцев действовали как положено, они бы и татар обнаружили. Но этого не произошло. Неизвестно, существовало ли уже тогда сельцо Велебицы, или оно возникло на месте битвы возле построенной в память павших воинов церкви. Если села не было, то поле боя, согласно топографической карте А. К. Баиова, представляло собой довольно узкое,

менее километра в ширину, свободное пространство между рекой и лесом, упиравшееся в речку Дрянь (Тепелев ручей). За речкой началась возвышенность, где и расположились всадники Вельяминова. Их было не более двух или трех сотен.

Передовой полк новгородцев начал перестраиваться в боевой порядок. Наверное, это был *«владычин стяг»*, как наиболее боеспособный по сравнению с остальными. С новгородских церковных земель можно было собрать до 500 всадников, из них треть — с архиепископских владений, две трети с монастырских слуг, живших *«с кормления»*. Например, с волости Заборовье, одноименного погоста, *«что была Аркажского манастира за кормленищикомъ»*, полагалось выставить с *«сохъ шестнадцать без трети»*¹⁵¹, четверых всадников. Если сами *«софьяне»* представляли собой серьезную силу, то вышеупомянутые *«кормленищики»* со своими *«вольными пахарями»* — вряд ли. При таком личном составе самым оптимальным боевым построением мог быть немецкий клин *«Schweinkopf»*, *«caput porci»*, по-русски свиная голова. В нем лучшие ратники составляли первые и последние шеренги строя, а середину заполняла массовка. Данное построение использовали тевтонские рыцари, поляки и литовцы¹⁵².

На XV в. есть несколько описаний применения клина в бою и ещё больше рекомендаций. Все его плюсы и минусы разобрал в свое время Ганс Дельбрюк на примере боя при Пилленрейте 11 марта 1450 года. Согласно его описанию: *«Генрих фон Плауен предложил благородному и мужественному Гейнцу Ценгеру вместе с 4 другими рыцарями образовать острие клина. Эти 5 стали в первой шеренге клина. Вторая шеренга состояла из 7, третья из 9, четвертая из 11 рыцарей. Затем следовал отряд кнехтов, построенных четырехугольником, а в последней шеренге стояло 14 досточтимых (патрициев) Нюрнберга, поддерживавших сплоченность отряда. Рыцари первых шеренг — клина — все названы по именам. Всего в отряде было 300 человек; было ли в задних шеренгах его по 11 или может быть по 13–14 человек, неизвестно; как бы то ни было, глубина отряда была в 22–25 шеренг»*¹⁵³. Известный воин, курфюрст Бранденбурга, Альбрехт Ахилл в 1477 году написал для своего сына Иоганна наставление *«Приготовление к походу»*. В нем он рекомендовал делить конное войско на три знамени (хоругви) с типичными названиями *«Великая»*, *«Хоругвь святого*

Георгия» и «Гончая». В хоругвях насчитывалось 700, 500 и 400 воинов соответственно. Хоругвь строилась колонной с трапецевидной фронтальной частью, то есть клином. В глубину клин имел пять шеренг. Первая шеренга состояла из 3, 7 или 9 рыцарей, смотря по численности хоругви. Задняя шеренга — 11, 15 или 17 рыцарей. Численность клина «Гончей хоругви» составляла 35 бойцов, «Хоругви святого Георгия» — 55 и «Великой хоругви» — 65. За клином следовала прямоугольная колонна, ширина которой по фронту не превышала ширины задней шеренги клина. Соответственно, хоругви имели по 365, 445 и 635 человек в задней части построения¹⁵⁴. Фридрих фон Зельденэк в своем трактате *«Feldbestellung der Reiterei»*, написанном в 1490 году, дает несколько другое описание клина. Для отряда в 1000 всадников: 7 всадников в первом ряду, в каждом следующем на 2 больше, в 8-м ряду знамя и 21 человек, последний полный ряд 28-й, состоит из 61 всадника. Для малых отрядов в 100 и 200 человек: 3 всадника в первом ряду, в 5-м ряду знамя и 11 человек, последний полный ряд 9-й, 19 всадников, и 5 всадников в первом ряду, в 5-м ряду знамя и 13 человек, последний полный ряд 12-й, 27 всадников соответственно.

Построение клином при всех своих недостатках позволяло плохо обученным отрядам конного ополчения более-менее маневрировать на поле боя и на рысях в невысоком темпе добраться до неприятеля, не потерявшись по дороге. Для *«стяга святой Софии»* вполне подходил типовой клин «хоругви святого Георгия», описанный Альбрехтом Ахиллом. О том, как его построить, новгородцы должны были знать по былому опыту войны с тевтонцами и от своих служилых князей из Литвы. Такой клин занимал по фронту около 30 м, в длину — 300–350 м. Остальные новгородские полки тоже начали перестраиваться. Их численность не была одинакова, так же, как и количество бояр, житых, купцов, приписанных к концам Новгорода. Примерное соотношение можно сопоставить с числом посадников, представлявшим каждый конец в Совете Господ. Славенский — двенадцать, Плотницкий — четыре, Неревский — восемь, Людин и Загородский концы — по шесть.

Великокняжеская рать, шедшая по правому берегу Шелони, начала переправляться через реку по броду. Согласно московской летописи, *«все цели и здравии переидоша ея»*¹⁵⁵. Под прикрытием дмитровцев

вои строились, перекрывая речную пойму. Скорее всего, выстроились в три полка — Даниила Холмского, Федора Хромого и волоцкого воеводы, человек по 300 в каждом. Строились, наверняка, по-татарски, в развернутые линии, станицами по пять человек в глубину. В плане получался прямоугольник 120 м по фронту, 30–60 м в глубину.

Для того чтобы дать возможность основным силам спокойно выстроится, воевода Вельяминов предпринял атаку против «владычина» полка: *«И вергошася москвици с берега в рекоу Дрянъ, и перегнаше Дрянъ рекоу и оудариша на нихъ»*¹⁵⁶. Надо думать, это была уже известная по Коростыни «пляска». Московиты начали кружить вокруг «софьян» и обстреливать их из луков. *«Новгородцы устраишася зело, възмутишася и восколебашеся, яко пьани, а си пришед на них начаша прежде стреляти их, и възмутишася кони под ними и начаша с себя бити их»*¹⁵⁷.

Повторялся сценарий сражения под Русой, случившегося 15 лет назад. Московиты стреляли по незащищенным лошадям, и новгородцам приходилось несладко. На счастье церковному воинству новгородские воеводы успели построить второй клин и двинуть его на помощь. Надо думать, это были неревляне, а хоругвь была «Великой» в 700 или чуть более всадников. Вел ее Дмитрий Борецкий. Атака началась удачно: *«...и начаша ся бити, и погнаша Новгородци Москвичъ за Шолону реку»*¹⁵⁸. Тут, видимо, неточность: новгородский летописец переборщил, москвичей отбросили за реку, но не за Шелонь, а за Дрянъ. Благодаря своей большей маневренности дмитровцы ушли из-под удара неревлян. Вместо них в дело вступили основные силы. Атаку москвичи начали по правому флангу, по песчаному пляжу вдоль реки: *«...с копыи и з сулицами скочиша на нихъ по песку, бе бо песокъ великъ подле реки»*. На этот раз удар был нанесен во фланг и копьями, может быть, «по литовскому обычаю», и он оказался роковым. *«Новгородци же мало щитъ подръжавши и побегоша вси, июля 14, на память святого апостола Акилы, в день недельный, в полоутра»*¹⁵⁹. Одновременно по остальным, ещё не окончившим построение полкам новгородцев, с левого фланга из лесной засады ударили татары: *«И оударишася на Новгородцевъ западнаа рать Татарове»*. Разгром был полный: *«и паде Новгородцевъ много, а иные побегоша, а иных поимаша, а иных в полонъ поведоша»*¹⁶⁰. Преследование продолжалось до самого лагеря на Мшаге: *«...биша их москвичи в погоню от Солцы и до Мшаги реки... и мало их к городу прибегоша»*¹⁶¹.

В лагере на Мшаге в обозе нашли список договора с королем польским Казимиром: «*Обретоша в кошевных вьюцах у нихъ списки, них же бяше писано с королемъ Новгородицкое докончание*»¹⁶². В плен попало, по разным сведениям, или 2000: «*Изымали их руками на бою боле двою тысячь*»¹⁶³, или 1700 «*нятцов тысяща и семьсотъ*»¹⁶⁴. Среди пленных названы поименно: «*Василеи Каземир, Дмитрии Исаковъ Борецкои, Козьма Григорьевич, Яков Федоров, Матфеи Селезневъ, два сестрича Каземировы, Павел Телятев, Кузьма Грузовъ*»¹⁶⁵. Об убитых летопись пишет: «*...сами бе глаголющим, яко дванадесять тысячь изгibe их на боях техъ*»¹⁶⁶. Однако не названо имени ни одного боярина. В 1456 году под Русой новгородцев погибло намного меньше. Но даже в московской летописи помянут убитый посадник Иосиф Васильевич Носов, а в новгородской добавлен «сын посадничей» Афанасий Богданович.

Бой завершился быстро. «*Полутра*» — скорее всего, 9 часов по нашему времени. Утро тогда начиналось с восходом солнца. В тех краях оно всходит 14 июля в 4 часа 9 минут (по пролептическому григорианскому календарю — 23 июля восход в 4 часа 26 минут). Заканчивалось утро в «*полдень*», то есть в 12 часов¹⁶⁷. В старину на Руси летом распорядок дня был следующий: подъем и завтрак в 4–5 часов, обед в 9, полдник в 12, потом, в самую жару — сон, ужин в 18 и «*поужин*» в 21 час¹⁶⁸.

Если рати двинулись со стоянки на Мшаге в 6 часов, то 12 верст от Мшаги до места битвы они должны были пройти за два часа (лошадь шагом, за час проходит фарсанг 6 км). То есть построение перед боем, сам бой и начало преследования заняло от силы один час. Среди пленных Василий Казимир со своими племянниками, Дмитрий Борецкий, Василий и Матвей Селезневы были с Неревского конца; Кузьма Григорьевич Овин с Прусской улицы, делившей, а с конца XIV века, скорее, объединявшей Людин или Загородный концы; Яков Федоров — с Людина конца; Яков Грузов — со Славенского¹⁶⁹. Нетрудно догадаться, что основной удар пришелся на неревский полк (хоругвь), а остальные просто бежали при виде неприятеля. Воеводы пытались остановить беглецов, потому и попали в плен. Неревский полк и «*владычен*» стяг были окружены и сдались.

В ответ на вопрос воевод великого князя, почему сопротивление было столь слабым («*что ради вы с толиким множеством вои своих*

ни мала постоясти»), новгородцы посетовали на татар ударивших в тыл: «...мы бо... иные полкы видехом в тыл по нам пришедших, знамена же имут желты и стяги и скипетры»¹⁷⁰. Удовлетворившись этим, московские стратилаты послали к великому князю сына боярского Ивана Васильевича Замятню с сеунчем: «...что же на них приходили знамены (и), большая рать Новгородикая, весь Великий Новгородъ, лутчие люди, и билися с ними съступнымъ боемъ великимъ, и Богъ имъ пособилъ, воеводамъ великого князя, ту большую рать ихъ Новгородскую били добре и многихъ от нихъ выбили, а иныхъ многихъ лутчихъ людей руками поимали, их же обретеса числомъ нятцовъ тысяща и семьсот». Наверное, это действительный текст воеводского послания.

На этот раз пленных не калечили. Их погнали в Русу, куда ожидалось скорое прибытие великого князя. Трофейные доспехи и оружие не жгли и не топили, а взяли себе. Татары, переправившись на левый берег Шелони, отправились жечь и грабить, искренне жалея, что ещё в начале похода великий князь запретил им брать пленных: «*Татаромъ же князь великий не повеле людей пленити*»¹⁷¹.

Вместо заключения

Кампании против Казани и Новгорода показали великому князю два основных недостатка его ратей. Московскому войску не хватало массовости и мобильности. В Казанских походах крупная, но маломаневренная судовая рать ничего не могла поделать, пока на помощь не пришли конные дворы: великокняжеский, удельные и служилых князей. В Новгородской кампании небольшое, но мобильное войско, состоящее из дворян, сумело, несмотря на потери, последовательно разбить новгородцев. У Коростыни, в Русе, на Шелони, но это было достигнуто ценой огромных усилий и из-за разобщенности новгородского общества.

Следует отметить, что «городовые» дети боярские из центральных районов в описании похода 1471 года не упоминаются совсем, в отличие от казанских походов 1468–1469 годов. и «второго новгородского», состоявшегося зимой 1477–1478 годов. Почему? Ответ очень прост. В походах 1468–1469 годов городовые дети боярские действовали в составе судовых ратей. В 1471 они не имели возможности доплыть до Новгорода, даже если так и задумывалось — в тот год наступила

засуха. А без заводной лошади доехать, например, из Коломны до Новгорода проблематично. Можно, конечно, пешком, в лаптях, с дубиной на плече, как в кино «Александр Невский». Можно, но долго.

Из всего этого великий князь Иван Васильевич сделал выводы и принял меры. В 1474 году произошло знаменательное событие: 7 июля вернулся из Орды посол Никифор Басенок, сын славного воеводы, и привел с собой, кроме многочисленных послов-ордынцев, еще и «*коней продажных боле 40 тысяч*»¹⁷². Массовый привод коней в 1474 году был первым отмеченным летописями. Он позволил посадить в седло и обеспечить заводными лошадьми 10–20 тысяч городских детей боярских, которые ранее не могли ходить в дальние походы.

Результат показал себя зимой 1477–1478 года. В том походе успешно действуют как дворовые, так и городовые дети боярские: «*А по своей стороне Мсты велел ити князю Данилу Холмскому, а с ним дети боярские великого князя двора его многы, да Володимерыцы и Переяславци, и Костромичи вси, да тою же дорогою велел ити боаром своим и Тверичем, Григорию и Ивану Никытычем, съ Дмитровци и Кашиинци, которые служат великому князю. А по правую же себе велел ити межи свое дорогы и Мсты князю Семену Ивановичю Ряполовскому, а с ним Суздальци и Юрьевци, а по левой руце от себя из Торжку на Демон брату своему князю Андрею Менишому, а с ним воевода великого князя Василеи Сабуров с Ростовци и Ярославци, и Угличаны, и Бежичаны, и которые служат великому князю, и матери своей воеводе Семену Федоровичю ити Пешку здвором ее с нимъ же велель. А межи Демонские дороги и Яжелбицкие велел ити князю Александру Васильевичю да князю Борису Михайловичу Оболенским, а со князем Александромъ Колужане и Олексенцы и Серпоховичи, Хотуничи, и Москвичи, и Радонежци, да Новоторжцы, Берновы и Глуховы, а со князем Борисом Можайцы, Волочане и Звенигородцы и Ружане, которые служат великому князю. А по Яжелбицкои дороге велел ити Федору Давидовичю, а с ним дети боярские из Двора великого князя, да Коломничи все. А по той же дороге велел ити князю Ивану Васильевичю Оболенскому, а с ним братия его все Оболенские князи, да и многие великого князя двора, дети боярские*»¹⁷³.

В дальнейшем великий князь Иван III делал ставку именно на городских детей боярских. В конце своего правления он даже приказал распустить дворы нескольких знатнейших князей и бояр, а их боевых

холопов — послужильцев, сделал детьми боярскими¹⁷⁴, наделив поместьями, чем заслужил почет и уважение у служилого люда. Не забыл великий князь и новгородцев — боевых холопов новгородских бояр. Бояре были казнены или переселены, а послужильцы остались на местах¹⁷⁵, став детьми боярскими великого князя в составе вновь образованного войска — *«новгородской силы»*.

Ссылки

1. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007.
2. Там же. — С. 96–102.
3. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XXV. — М., 2004. — С. 286.
4. Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. — М., 2000. — Ст. 89.
5. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. — М., 2001. — Вып. 2. — Ст. 171.
6. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007. — С. 103.
7. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. — М., 2004. — С. 158.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. — М; Л., 1950. — № 65. — С. 213, — № 66. — С. 216. и др.
9. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. — М., 1988. — С. 108.
Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 35.
10. Софийская летопись по списку Царского // ПСРЛ. Т. 39. — М., 1994. — С. 148.
11. Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. — М., 2001. — С. 152.
12. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. — М., 2000. — С. 187.
13. Иосафовская летопись. — М., 2014. — С. 60.
14. Софийская летопись по списку Царского // ПСРЛ. Т. 39. — М., 1994. — С. 148.

15. Там же.
16. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России. — М., 1988. — С. 164–165.
Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 92.
17. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 60–73.
18. Ермолинская летопись // ПСРА. Т. XXIII. — М., 2004. — С. 148.
19. Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007. — С. 103.
20. Разрядная книга 1475–1605. — М., 1977. — Т. I. — Ч. I. — С. 20.
21. Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 102.
22. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России. — М., 1988. — С. 159.
23. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. — М; Л., 1950. — № 68. — С. 224.
24. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России. — М., 1988. — С. 29–30.
25. Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее — Сборник ИРИО). — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 378.
26. Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. Т. XXV. — М., 2004. — С. 160.
27. Пенской В. В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 85–106. <http://www.milhist.info/2016/03/31/penskoy_8> (31.03.2016).
28. Сборник ИРИО. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 441–443.
29. Дополнения к Актам Историческим. — СПб., 1846. — Т. 1. — № 70. — С. 130.
30. Пенской В. В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 89. <http://www.milhist.info/2016/03/31/penskoy_8> (31.03.2016).

31. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. — М; Л., 1950. — № 59. — С. 187, — № 79. — С. 297.
32. Буганов В.И., Рогожин Н.М. Краткий Московский летописец // Архив Русской Истории. — М., 2007. — Вып. 8. — С. 552.
33. Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войски участия засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 470–471. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
34. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 286.
35. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007. — С. 103.
36. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. — М., 2001. — Ст. 171.
37. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 323.
38. Краткий Новгородский летописец по списку Никольского // ПСРЛ. Т. IV. — М., 2004. — С. 608.
39. История о Казанском Царстве // ПСРЛ. Т. XIX. — М., 2000. — Ст. 15.
40. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 263.
41. Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. — М., 2003. — С. 47.
42. Беляков А.В. Чингизиды в России XV–XVII веков. — Рязань, 2011. — С. 54.
43. Барбаро и Контарини о России. — Л., 1971. — С. 203, 226.
44. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. — М; Л., 1950. — № 76. — С. 284.
45. Иосафовская летопись. — М., 2014. — С. 67.
46. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. — М., 2001. — Ст. 194.
47. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 288.
48. Там же. — С. 288.
49. Там же.

50. Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. — М., 1912. — Т. I. Списки селений. — С. 217–218.
51. Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. — М., 2000. — С. 180.
52. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. — М; Л., 1950. — № 13. — С. 50.
53. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1952. — Т. I. — № 231. — С. 164.
54. Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 144.
55. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 271.
56. Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 172.
57. Согласно Псковской 3 летописи, Василий Зиновьев был боярином великого князя. Великий князь послал его в Псков в качестве военачальника, потому в историографии он неоднократно фигурирует именно в качестве великокняжеского посланца. Причем летописец относит к великокняжеским войскам не только рать князя Д.Д. Холмского, которая 24 июня взяла Русу, но и «силы» «великого князя», с которыми тот должен был 29 июня стать в Торжке. А сам В. Зиновьев был в курсе графика движения как колонны Холмского, так и великокняжеской колонны, зная даты взятия князем Д. Холмским Русы и прибытия великокняжеской колонны в Торжок. Таким образом, версия Д.А. Селиверстова о связи В. Зиновьева именно с силами князя Д. Холмского, не находит подтверждения в источниках. В X выпуске данного издания М.А. Несин высказал версию, согласно которой В. Зиновьев был послан самим Иваном III и ехал в Псков со стороны Москвы, проезжая юго-западными окраинами Новгородских земель, где и захватил новгородских кляч. Отмечалось, что вряд ли он проскакал от Русы до Пскова 250 км за 5 дней, такой «пробег» для кляч едва ли был посилен. Вместе с тем заслуживают серьезного внимания наблюдения Д.А. Селиверстова о службе семьи Зиновьевых не великим, а удельным князьям. Потому упоминание В. Зиновьева псковским хронистом в качестве великокняжеского боярина, вероятно, требует уточнения (Прим. Ответственного редактора-составителя).

58. Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. — М., 2000. — С. 180–181.
59. Псковская 2-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. — М., 2000. — С. 55.
60. Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007. — С. 101–102.
61. Иосафовская летопись. — М., 2014. — С. 70.
62. Там же. — С. 71.
63. Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — С. 195.
64. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. С. 290.
65. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. — М., 2000. — С. 447.
66. Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — С. 198.
67. Янин В. Л. Новгородские посадники. — М., 2003. — С. 273–277.
68. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. — М., 2001. — Ст. 185–187.
69. Пушкарева Н. А. Женщины Древней Руси. — М., 1989. — С. 53.
70. Грамоты Новгорода и Пскова. — М; Л., 1949. — № 77. — С. 130.
71. Янин В. Л. Новгородские посадники. — М., 2003. — С. 379.
72. Там же. — С. 500–511.
73. Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. — М., 2003. — С. 76.
74. Грамоты Новгорода и Пскова. — М; Л., 1949. — № 21. — С. 39.
75. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. — М., 2000. — С. 448.
76. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 292.
77. Новгородская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. III. — М., 2000. — С. 417.
78. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 281.
79. Там же. — С. 250.
80. Там же. — С. 262.
81. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 142.
82. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 281–282.
83. Там же. — С. 286.
84. Там же. — С. 290.
85. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. — М., 2000. — С. 191.
86. Новгородская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. III. — М., 2000. — С. 425.

87. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. — М., 2000. — С. 447.
88. Несин М. А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 46–68. <http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2> (12.12.2014).
89. Новгородская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. III. — М., 2000. — С. 391.
90. Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. — М., 2001. — Ст. 514.
91. Несин М. А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 50–53. <http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2> (12.12.2014).
92. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. — М., 2001. — Ст. 126.
93. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1964. — Т. III. — № 6. — С. 19.
94. Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 178.
95. Курбский А. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2001. — Т. 11. — С. 446.
96. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. — М; Л., 1947. — С. 425–427.
97. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 249–251.
98. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. — М; Л., 1947. — С. 413–438.
99. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. — М., 2000. — С. 448.
100. Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. — М., 1912. — Т. I. Списки селений. — С. 18–22.
101. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. — М., 2005. — С. 282.
102. Софийская летопись по списку Царского // ПСРЛ. Т. 39. — М., 1994. — С. 154.
103. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. — М., 2005. — С. V–VI.
104. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — СПб., 1912. — Т. III. — Ст. 1109.
105. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. — М., 2005. — С. 282.

106. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т.IV. — М., 2000. — С. 446.
107. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 288.
108. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. — СПб., 1912. — Т. III. — Ст. 595.
109. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 288.
110. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. — СПб., 1902. — Т. II. — Ст. 685.
111. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т.IV. — М., 2000. — С. 446.
112. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 288.
113. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т.IV. — М., 2000. — С. 446.
114. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I. — С. 401–403.
115. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т.IV. — М., 2000. — С. 446.
116. Софийская летопись по списку Царского // ПСРЛ. Т. 39. — М., 1994. — С. 154.
117. Там же.
118. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 288.
119. Там же.
120. Там же.
121. Там же.
122. Там же.
123. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. — М., 1988. — С. 164–167.
124. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1952. — Т. I. — № 383. — С. 279.
125. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. — М; Л., 1950. — № 77. — С. 290.
126. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1952. — Т. I. — № 632. — С. 544–545, — № 643. — С. 560–561.
127. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 288.

128. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007. — С. 115.
129. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 288.
130. Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464–482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
131. Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск второй. — М., 2017. — № 7, — № 8. — С. 241.
132. Псковская 2-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. — М., 2000. — С. 55.
133. Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. — М., 2000. — С. 181.
134. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. — М., 2000. — С. 189–190.
135. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007. — С. 119.
136. Селиверстов Д. А. Битва под Русой 3 февраля 1456 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV–XVII вв. — Ч. II. — С. 28–34 <http://www.milhist.info/2019/08/25/seliverstov_3> (25.08.2019).
137. Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. — М., 1912. — Т. I. Списки селений. — С. 178.
138. Там же. — С. 182. Прим. 6.
139. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 289.
140. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. — М., 2000. — С. 190.
141. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. — М., 2000. — С. 446.
142. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. — СПб., 1902. — Т. II. — Ст. 1597–1598.
143. Черкасов Д.Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades». *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 8. — Минск, 2015. — С. 219.
144. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 289.

- ^{145.} Там же. — С. 289. Прим. А.
- ^{146.} В действительности именно мастера, а не монастыри, фигурируют не только в известии Воскресенской летописи, но в целом ряде памятников русского летописания: Вологодско-Пермской, Никаноровской, Симеоновской летописях, сообщения которых о московско-новгородской войне 1471 г. исследователи возводят к великокняжескому летописанию XV в. По мнению Д. А. Селиверстова, поскольку эти летописи сохранились в поздних списках, в них могло быть дано неверное чтение. Вместе с тем стоит принять во внимание, что мастера упоминаются также в Музейном сборнике, сохранившемся в списке рубежа XV–XVI вв. (отрывок, посвященный вышеуказанной кампании опубликован в 7 томе Библиотеки литературы Древней Руси). Таким образом, уже по крайней мере в те времена в русских источниках присутствовало не одно, а два чтения — монастыри и мастера. В историографии обычно отдавали предпочтение второму варианту и делали вывод об участии в Шелонской битве новгородских ремесленников — плотников и гончаров. Следует отметить, что в новгородских источниках не сообщается об участии в ополчении вечевого Новгорода монахов и монастырских слуг или монастырских крестьян. (Прим. Ответственного редактора-составителя).
- ^{147.} Псковская 3-я летопись // ПСРА. Т. V. Вып. 2. — М., 2000. — С. 181.
- ^{148.} Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. Т. XXV. — М., 2004. — С. 289.
- ^{149.} Софийская летопись по списку Царского // ПСРА. Т. 39. — М., 1994. — С. 154.
- ^{150.} Псковская 2-я летопись // ПСРА. Т. V. Вып. 2. — М., 2000. — С. 55.
- ^{151.} Новгородские писцовые книги. — СПб., 1859. — Т. I. — С. 3.
- ^{152.} Кирпичников А. Н. Ледовое побоище. Тактические особенности, построение и численность войск. Новые изыскания // «Цейхгауз». — 1997. — № 6. — С. 3.
- ^{153.} Ганс Дельбрюк. История военного искусства. — СПб., 1996. — Т. III. — С. 173–175.
- ^{154.} Кирпичников А. Н. Ледовое побоище. Тактические особенности, построение и численность войск. Новые изыскания // «Цейхгауз». — 1997. — № 6. — С. 3.

155. Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. Т. XXV. — М., 2004. — С. 289.
156. Псковская 3-я летопись // ПСРА. Т. V. Вып. 2. — М., 2000. — С. 182.
157. Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. Т. XXV. — М., 2004. — С. 289.
158. Новгородская 4-я летопись // ПСРА. Т. IV. — М., 2000. — С. 446.
159. Типографская летопись // ПСРА. Т. XXIV. — М., 2000. — С. 190.
160. Новгородская 4-я летопись // ПСРА. Т. IV. — М., 2000. — С. 446–447.
161. Псковская 2-я летопись // ПСРА. Т. V. Вып. 2. — М., 2000. — С. 55.
162. Новгородская 4-я летопись // ПСРА. Т. IV. — М., 2000. — С. 509.
163. Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. Т. XXV. — М., 2004. — С. 289.
164. Новгородская 4-я летопись // ПСРА. Т. IV. — М., 2000. — С. 509.
165. Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. Т. XXV. — М., 2004. — С. 289.
166. Там же.
167. Даль В. И. Толковый словарь. — М., 2004. — Т. IV. — С. 328.
168. Даль В. И. Толковый словарь. — М., 2004. — Т. III. — С. 206.
169. Янин В. А. Новгородские посадники. — М., 2003. — С. 401–402.
170. Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. Т. XXV. — М., 2004. — С. 289.
171. Типографская летопись // ПСРА. Т. XXIV. — М., 2000. — С. 189.
172. Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. Т. XXV. — М., 2004. — С. 302.
173. Там же. — С. 311–312.
174. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. — М; Л., 1947. — С. 289.
175. Там же. — С. 290.